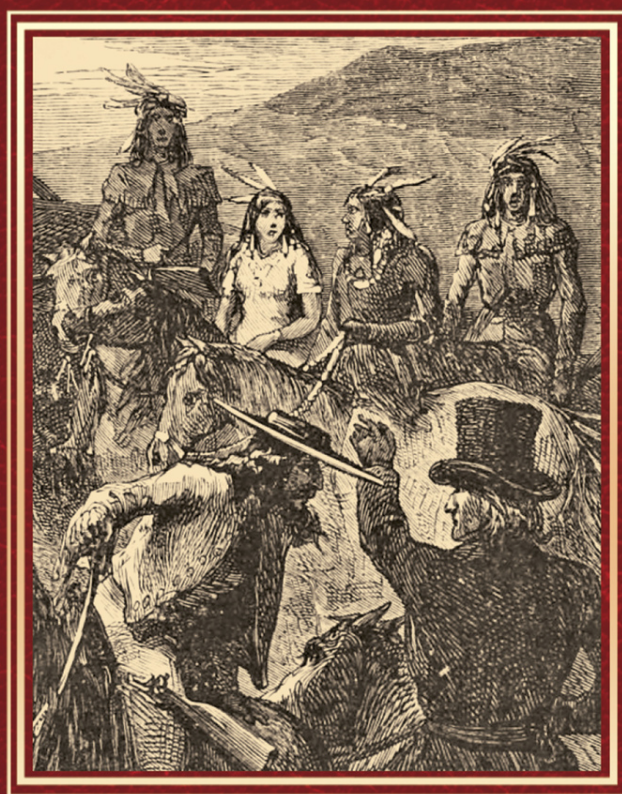

Томас Майн Рид

Отважная охотница

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Томас Майн Рид

Отважная охотница

«ВЕЧЕ»

1861

Майн Рид Т.

Отважная охотница / Т. Майн Рид — «ВЕЧЕ», 1861 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4484-7910-6

В край красных пум, рогатых филинов и охрипших цапель, в дремучие леса Теннесси прибывает Эдвард Уорфилд, герой Мексиканской войны, получивший вместо пенсии простой земельный участок. Но вот беда: место занято, и жизнь отставного кавалериста опять дает крен – сворачивает на тропу войны. Войны частной, неудержимой, как стихия. Капитан Майн Рид снова в седле. Роман «Отважная охотница» – одно из лучших произведений мастера приключений, классика вестерна. Здесь есть место не только лихому героизму и стычкам характеров – суровую драму любви, предательства и мести то и дело смягчает великолепный юмор. Вмиг зааркавив внимание читателя, сюжет этой истории не отпустит до последней страницы.

ISBN 978-5-4484-7910-6

© Майн Рид Т., 1861

© ВЕЧЕ, 1861

Содержание

Глава I. Участок скваттера	7
Глава II. Мэриен и Лилиен	10
Глава III. Место свидания влюбленных	14
Глава IV. Злополучный поцелуй	17
Глава V. Скваттер и «Святой»	19
Глава VI. Апостол	21
Глава VII. Требование мормона	24
Глава VIII. Щедрое вознаграждение	27
Глава IX. Дружеский совет	29
Глава X. Край громких названий	31
Глава XI. Гостиница «Джексон»	33
Глава XII. Полковник Кипп	36
Глава XIII. Через лес	38
Глава XIV. Су-ва-ни	40
Глава XV. Чистосердечное признание	45
Глава XVI. Тревожные перспективы	48
Глава XVII. Индейское лето	51
Глава XVIII. Красавица лесной глуши	53
Глава XIX. Ряд неудач	55
Глава XX. Мечты и действительность	57
Глава XXI. Негостеприимная хижина	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Томас Майн Рид

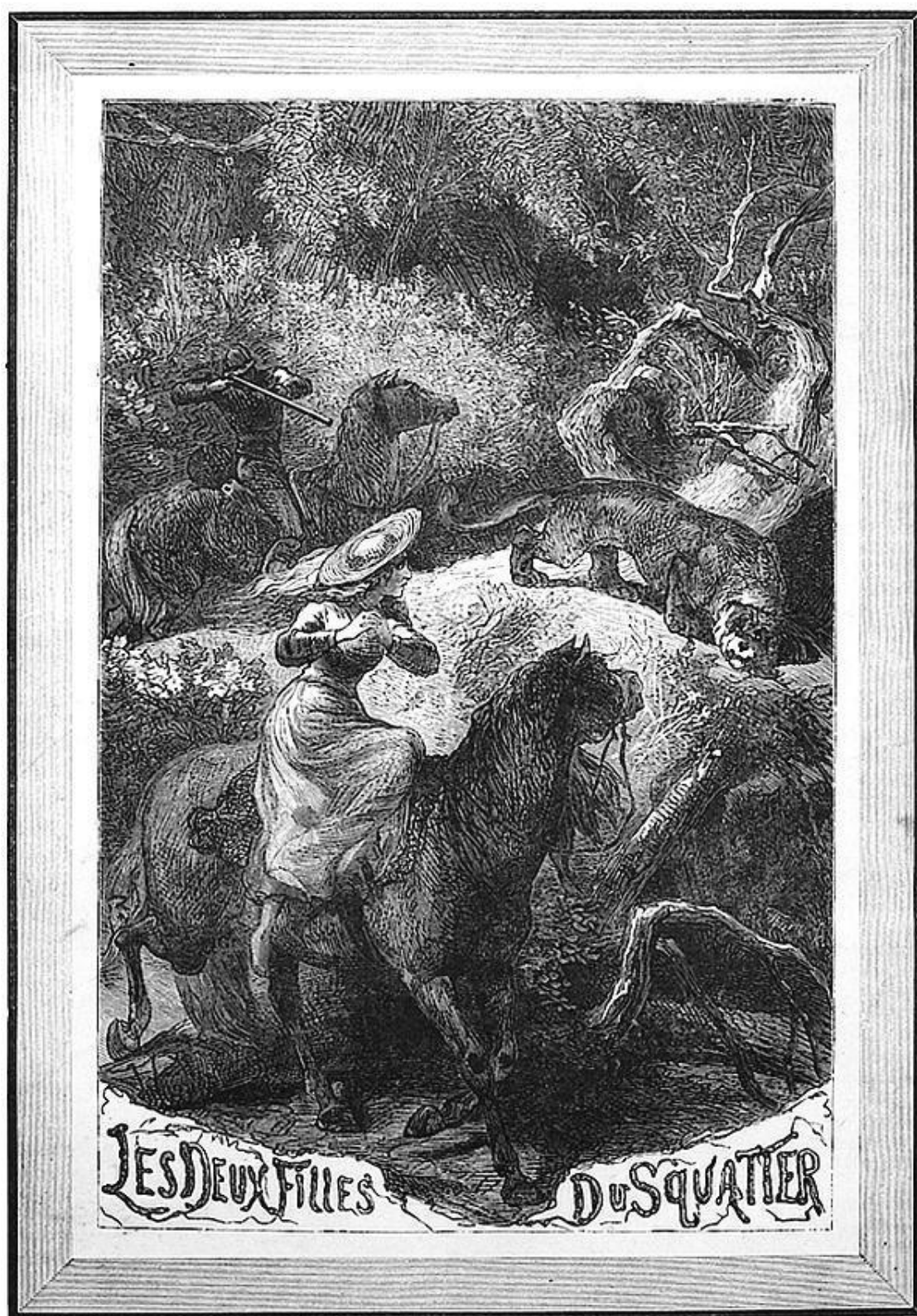
Отважная охотница

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

ŒUVRES DE MAYNE-REID

COLLECTION HETZEL

Глава I. Участок скваттера

Белоголовый орел, паря над одним из дремучих лесов штата Теннесси, смотрит вниз, на участок скваттера. Этот клочок земли, затерявшийся в необъятном зеленом море, отлично виден зоркому глазу птицы, так как резко выделяется из окружающей его растительности окраской своих деревьев. Они еще стоят, но давно мертвы: кольца содранной коры у самых корней преградили дорогу поднимающимся сокам, остальная кора осыпалась под клювами дятлов, листва давно уже облетела и остались лишь стволы да голые сучья. Словно руки скелетов, простираются они к небу, безмолвно взывая о мщении тому, кто так безжалостно их погубил.

Сухостой на участке скваттера не вырублен, уничтожен лишь подлесок. Молодая поросль срезана или вырвана, спутанный клубок растений-паразитов сорван с ветвей, заросли тростника выжжены, и кустарник, сваленный в кучи, исчез в пламени костров. Только несколько небольших пней указывают на то, что кое-какая работа была здесь сделана и топором.

Весь участок едва ли достигает двух акров, и примитивная ограда вокруг него свидетельствует, что его хозяин вполне удовлетворен размерами своих «полей». Нет ни свежих следов топора, ни новых колец на стволах – ничего, что указывало бы на желание скваттера расширить свои владения. Он охотник и не хочет тратить ни времени, ни труда на расчистку леса. Если стук топора дровосека приятен, как музыка, для слуха одинокого путника, то на скваттера он производит впечатление похоронного звона. По счастью, ему нечасто приходится слышать этот звук, так как его жилище далеко от тех мест, где он раздается. Сосед – такой же скваттер – живет за милю от него, а ближайший поселок находится еще в шесть раз дальше от его хижины.

Участок имеет форму неправильного полукруга. Узкая глубокая река ограничивает его, как хорда, и пробивается дальше, в девственный лес. В изгибе дуги, в наиболее удаленном от ручья месте, стоит хижина – бревенчатая постройка с дощатой крышей. С одной стороны к ней примыкает кое-как сколоченная из досок конюшня, а с другой – маленький сарай из жердей для хранения кукурузы.

Такая картина часто встречается в лесных дебрях Америки, и некоторым она может показаться банальной. Но я всегда с удовольствием смотрю на бедную усадьбу лесного жителя, и для меня она неизменно полна неуловимого очарования. Возможно, я связываю эту картину с рамой, в которую она заключена: с величественным дремучим лесом, где все тропинки окутаны дымкой романтики. Невольно вспоминаются охотничьи предания и легенды: о наводнениях и сражениях, о безумной отваге и героических подвигах, совершенных обитателями этих девственных лесов. Думаю я и об их отважных противниках – о стройных краснокожих воинах, так гордо ступавших по лесным тропинкам и исчезнувших ныне навсегда.

Возможно, именно эти мысли пробуждают у меня интерес к обиталищу скваттера. А может быть, мне на память приходят происшедшие на фоне такого же пейзажа события, определившие всю мою дальнейшую судьбу.

Если зимой этот пейзаж можно назвать однообразным и бесцветным, то с наступлением весны картина резко меняется. Природа, облекшись в свой зеленый наряд, смягчает краски и сообщает необычайную нежность всему, к чему она прикасается своим волшебным жезлом. Молодая кукуруза, посеянная в почву, тысячелетиями не знавшую плуга, пышно разрастается, выбрасывая вверх блестящие копьевидные листья, которые, грациозно изгибаясь, скрывают от взора темный лик земли. Буйно распускается листва на деревьях. Некоторые из них, как, например, кизил и магнолия, уже цветут. Нарушается и зимнее безмолвие леса. В тростнике щебечет алый кардинал, голубая сойка, испуганная скользкой в траве змеей, пронзительно кричит в зарослях папайи, а пересмешник, сидя на верхушке дерева и не обращая внимания на грозящую опасность, заливается своей неподражаемо звонкой песней. Иногда слышится тихое цоканье белки и нежное воркование каролинского голубя.

Ночь полна иных, менее приятных для слуха, звуков: пронзительный неумолчный звон цикад и древесных жаб, настолько непрерывный, что, лишь когда он стихает, можно догадаться об их существовании, глухое кваканье огромной лягушки-быка, хриплые крики цапли и замогильное уханье рогатого филина. Еще неприятнее свирепое мяуканье красной пумы и вой тощего волка, но, конечно, не для ушей охотника, который, проснувшись, с жадной радостью прислушивается к ним в своей одинокой хижине.

Теперь эти устрашающие звуки стали уже необычны и редки даже в этих глухих дебрях, но не исчезли окончательно, как воинственный клич индейцев. Только в отдаленных речных долинах, где любят селиться скваттеры, раздаются эти звуки, но лишь ночью. После рассвета их сменяют звуки более нежные и ласкающие слух.

Теперь представьте себе прекрасное майское утро через полчаса после восхода солнца. Первые его лучи озарили стоящую на берегу реки хижину скваттера и превратили в золото все, к чему прикоснулись. Воздух напоен запахом лесных цветов, жужжание пчел и пение птиц сливаются в сладостную мелодию – такова картина, на фоне которой разворачивается действие. Можно ли назвать банальным такой пейзаж? Нет, я бы сказал, что он восхитителен!

И вот на этой сцене вдруг появляются действующие лица, полные жизни и очарования. Теперь, чтобы сделать скромную усадьбу скваттера привлекательной, не надо больше ни яркого солнечного света, ни пения птиц в листве, ни аромата цветов. Все лесное великолепие с его гаммой красок – зеленых и золотых – отходит на задний план. Если бы вместо майского утра был самый мрачный декабрьский день, случилось бы то же самое, так как при одном виде этих очаровательных созданий все меняется, как по волшебству. Бедная хижина превращается в дворец, сухие стволы деревьев становятся мраморными коринфскими колоннами, и высохшие ветви венчают их, словно капители. Даже огороженная узкая полоса земли, где растет кукуруза, превращается в сказочный сад.

Но не волшебством объясняется такое превращение. Его совершают две молодые девушки – черноволосая и белокурая, – показавшиеся на пороге хижины скваттера. Они не похожи друг на друга, но все же между ними есть нечто общее – обе они прекрасны.

Кто же это? Две сестры? В их внешности нет ничего, что говорило бы о таком родстве. Одна из них высокая, стройная, с золотисто-смуглым цветом лица, свойственным брюнеткам. Чуть раскосые глаза, орлиный нос и все черты лица делают ее похожей на индианку племени чикасавы, некогда владевшего этим обширным лесом. Возможно, в жилах этой девушки течет их кровь, но кожа ее слишком светла для настоящей индианки. Индейское происхождение особенно подчеркивается ее одеждой. На ней полосатая желтая юбка из домотканой материи и зеленый корсаж из более тонкой ткани, имеющий почти нарядный вид. Блестящие браслеты, излюбленные индейскими красавицами, охватывают ее запястья, несколько рядов ярких бус украшают шею. Расшитые бисером мокасины изящно облегают ноги. Отсутствие головного убора довершает ее сходство с индианкой. Роскошные черные волосы, заплетенные в косу, уложены короной вокруг головы. Вместо гребня и золотых шпилек – алые перья из крыльев виргинского кардинала. Это украшение указывает на некоторое внимание, уделенное туалету, и вместе с необычной прической оно придает девушке, несмотря на простоту одежды, тот вид, который принято называть величественным. Однако в ней нет ничего неженственного, хотя, глядя на ее лицо, можно сразу угадать натуру незаурядную, характер скорее решительный, чем мягкий, и сердце, одаренное почти мужской храбростью. Это впечатление усиливается видом легкого ружья, которое она держит в руках, сумки с пулями и рога с порохом, висящими на левом плече. Впрочем, в этих местах многие девушки, подобно ей, носят при себе смертоносное оружие и владеют им с большим искусством.

Красавица, стоящая рядом, совсем на нее не похожа. У нее безупречно правильные черты лица, белоснежная кожа, ослепительный румянец и сияющие золотые волосы.

Девушка эта еще очень молода, почти ребенок.

Одета она еще проще, чем ее спутница: в свободное платье из той же домотканой материи, с вырезом на груди и длинными рукавами. Ее чудесные золотые волосы падают на плечи густыми, длинными локонами, заменяя ей и шаль и головной убор. Нитка жемчуга – конечно, фальшивого – ее единственное украшение. На ней нет ни туфельек, ни чулок, но самая дорогая обувь не могла бы сделать изящнее ее хорошенькие маленькие ножки.

Кто же они, эти прекрасные лесные цветы? Откроем тайну. Они сестры, но от разных матерей и единственные дети охотника, которому принадлежат хижина и участок.

Счастливцев! Пусть он беден и дом его убог, но он никогда не будет одиноким. Самый гордый принц может позавидовать ему, обладателю двух сокровищ, бесценных и ни с чем не сравнимых!

Глава II. Мэриен и Лилиен

В дверях девушки останавливаются при виде огромной тощей собаки, которая выбегает из конюшни и, неуклюже виляя хвостом, направляется к ним. К ней чрезвычайно подходит ее кличка Волк, так как, даже ласкаясь, она сохраняет мрачный и свирепый вид. Очевидно, она чего-то хочет и особенно ластится к старшей сестре – Мэриен.

– Здравствуй, Волк, – говорит девушка. – Я вижу, ты голоден, бедняга, и у тебя совсем подвело живот. Что бы дать ему, Лил?

– Не знаю, сестрица. У нас для бедного пса ничего нет.

– Кажется, есть немного оленины.

– Боюсь, отец не позволит отдать ее Волку. Он говорил, что ожидает кого-то к обеду. Ты не знаешь, кого?

Этот вопрос, заданный с лукавой улыбкой, неприятен старшей сестре. Ее лицо затуманивается.

– Знаю. Но со мной этот гость обедать не будет. Я нарочно захватила ружье, так как намерена пообедать в лесу. А скорей всего, обойдусь совсем без обеда. Но не бойся, Волк: буду я обедать или нет, ты свой завтрак получишь... Но в самом деле, Лил, я не представляю себе, чем мы накормим сейчас нашего пса. Я могла бы подстрелить одного из стервятников, которые сидят на том дереве, но даже собака не дотронется до этих мерзких птиц.

– Посмотри, сестрица, вон белка. Я знаю. Волк их ест с удовольствием, только как-то жаль убивать эту малютку.

– Ничуть. Эта малютка – ловкая воровка. Она только что побывала в нашем амбаре. Убив ее, я сделаю два добрых дела: накажу воришку и вознагражу преданную собаку. Кш-ш, негодная!

Вспугнутая белка с молниеносной быстротой мчится к ближайшему дереву. Заметив ее, Волк стремглав бросается за нею, но собаке редко удастся догнать этих юрких зверьков даже на земле. Белка миглом взбирается на дерево и, усевшись на высокий сук, с пренебрежением смотрит вниз на своего бессильного врага, по временам вызываясь помахивая хвостом. Самоуверенность глупого зверька губит его. Не сомневаясь в своей безопасности, белка не прячется в глубине листвы, а сидит на самом виду, в развилке сука, являясь прекрасной мишенью для охотницы. Девушка поднимает ружье к плечу, прицеливается и стреляет. Зверек, перевернувшись несколько раз в воздухе, падает прямо в пасть голодного пса, который тут же с жадностью его пожирает.

Мэриен ничуть не удивляется такому искусству, так же как ее сестра. Для них в этом нет ничего необычного.

– Ты должна научиться стрелять, Лил.

– Зачем, сестрица? Ты ведь знаешь, что у меня нет ни любви к стрельбе, ни твоей ловкости.

– Ловкость дается практикой. А умение стрелять очень полезно. Оно может когда-нибудь пригодиться. Знаешь, отец рассказывал, что, когда в наших местах жили индейцы, каждая девушка умела обращаться с ружьем. Правда, здесь теперь живут только мирные индейцы, ну, а что, если бы ты повстречала в лесу медведя?

– Я бы, конечно, убежала от него.

Мэриен и Лилиен

– А вот я бы этого не сделала. Мне еще не приходилось встречаться в лесу с медведем, но я бы не прочь, чтобы это случилось.

– Ты пугаешь меня, милая Мэриен! Лучше не надо. Я всегда беспокоюсь, когда ты надолго уходишь в лес. Я боюсь, что какой-нибудь страшный зверь растерзает тебя. Скажи, зачем ты ходишь в эти дикие дебри? Не понимаю, что за удовольствие бродить по лесу совсем одной!

– Одной? Может быть, я не всегда одна.

Последние слова Мэриен произносит так тихо, что Лилиен не может их расслышать и видит лишь ее улыбку.

– Видишь ли, дорогая Лил, – продолжает Мэриен громче, – у нас с тобой разные вкусы. Ты еще очень молода и предпочитаешь читать оставшиеся после твоей матери книги и рассматривать в них картинки. Моя же мать не оставила мне ни книг, ни картинок. У нее их не было, да, я думаю, она ими и не интересовалась. Ты ведь знаешь, она была наполовину индианка, и я, наверное, пошла в нее, так как предпочитаю не картинки, а подлинную жизнь. Мне нравится бродить по лесу, а все те опасности, о которых ты говоришь, – просто вздор! Я не боюсь ни медведя, ни пантеры, ни какого бы то ни было другого четвероногого. Мне гораздо страшнее некое двуногое животное, а встреча с ним грозит мне как раз в том случае, если я останусь сегодня дома.

Мэриен умолкает и погружается в раздумье, не лишенное горечи. Легкое облако грусти ложится на ее лицо. Она начинает заряжать ружье, но делает это так рассеянно, что даже просыпает порох.

Последние слова сестры и ее задумчивый, опечаленный вид удивляют Лилиен. Но продолжить разговор ей не удастся, так как внезапно мимо них с угрожающим рычанием проносится Волк. Какой-то всадник приближается к участку скваттера.

Это худощавый мужчина лет тридцати, который с первого же взгляда производит отталкивающее впечатление. При виде гостя Мэриен еще больше омрачается, сестра же ее оста-

ется равнодушной. Новоприбывший им знаком. Это Джошуа Стеббинс, школьный учитель из Суомпвилла. Он друг их отца, и, как известно Лилиен, именно он и ожидается сегодня к обеду. Ее внимание привлекает только то, что гость одет сегодня лучше, чем обычно, и что покрой его платья совсем иной.

– Посмотри, сестрица, – говорит она, весело смеясь, – как наряден сегодня мистер Джош! Черный сюртук и жилет! Стоячий воротничок! Он как две капли воды похож на методистского священника из Суомпвилла. Может быть, он тоже стал священником? Это, положим, неудивительно: говорят, он очень учен. Если это так, мы еще, пожалуй, услышим его проповедь на следующем молитвенном собрании. Вот будет интересно!

Прелестная девушка от души смеется своей забавной выдумке. Птицы, услышав ее звонкий, серебристый голосок, умолкают, словно прислушиваясь к музыке, более мелодичной, чем их пение. Пересмешник вторит ей, но Мэриен остается серьезной. Она тоже заметила, что Джош Стеббинс одет иначе, чем обычно, однако на нее это производит совсем иное впечатление. Она не только не улыбается при виде всадника, но лицо ее становится еще суровее.

Мэриен на несколько лет старше сестры и давно понимает, что на свете существует зло. Она достаточно хорошо знает Стеббинса, чтобы питать к нему неприязнь. Судя по его внешности, у нее есть для этого все основания. И Мэриен знает, зачем он сегодня приехал, – он приехал ради нее.

Она встречает гостя не очень любезно, едва скрывая свое отвращение. Даже не будучи проницательным, учитель мог бы его заметить, но он не обращает на это ни малейшего внимания. Держит он себя так не потому, что преисполнен чванства. Стеббинс – человек совсем иного склада. Но его саркастически-самоуверенный вид и невозмутимо-наглое поведение неприятнее всякого чванства. Черты эти проявляются решительно во всем: и в лаконической манере его приветствия «Здравствуйте, барышни! Отец дома?», и в том, что он без приглашения соскакивает с лошади и грубо толкает Волка, стоящего на его пути, когда ведет свою лошадь к конюшне, и, наконец, в том, как он перекидывает седельную сумку через руку и входит в дом так, словно он здесь хозяин.

В хижине его встречает сам скваттер. Даже случайный наблюдатель мог бы заметить странную разницу в их поведении при обмене приветствиями. Гость полон безразличия и циничной самоуверенности, хозяин взволнован и обеспокоен и ему как будто не по себе. Что-то многозначительное есть и в самом приветствии и в последующем маленьком эпизоде.

Не успели они обменяться несколькими словами, как учитель спокойно поворачивается и закрывает дверь хижины, причем скваттер не протестует ни словом, ни жестом. Его поступок может показаться несущественным, но для Мэриен он полон значения. Стоя около дома, она наблюдает за всем, не пропуская ни одного движения, ни одного слова.

Почему Джош Стеббинс закрыл дверь – эту грубо сколоченную дверь, которая день и ночь стоит открытая, болтаясь на петлях из сыромятной кожи? Ее закрывают, лишь когда дует холодный ветер или с запада несется буря с дождем. Почему же он сейчас закрыл ее, и притом так бесцеремонно? Неудивительно, что Мэриен придает значение этому поступку.

Она заметила и то, как был взволнован отец, когда встречал гостя, – ее отец, который в чьем угодно присутствии всегда был смел и независим, – и сердце ее болезненно сжимается. «Для такого непонятного поведения должна быть причина, – думает она, – и причина серьезная».

Некоторое время девушка стоит на прежнем месте. Сестра ее отошла к речке, чтобы нарвать цветов, растущих на берегу, и Мэриен осталась одна. Не отрывая глаз, смотрит она на дверь хижины. Девушка колеблется. Ей хочется подойти и послушать. Подойти или нет? Она о многом догадывается, но ей хочется знать больше. Что учитель приехал ради нее, она уверена, но сейчас ее беспокоит другое. Предоставленная самой себе, она сумела бы решительно и

быстро отделаться от подобного поклонника. Но почему отец готов сдаться на просьбы своего гостя? Вот что она хочет разгадать.

Может быть, причина – денежный долг? Вряд ли. В лесной глуши не очень считаются с законом, и власть кредитора – не та власть, которой покорился бы бесстрашный и своевольный Хикман Холт. Вот почему девушку мучат подозрения, что существует другая причина. Но какая? Она должна ее узнать.

Мэриен делает шаг по направлению к хижине, словно намереваясь подслушать разговор, и снова останавливается в нерешительности. Ее смущают просветы между бревнами и щели в двери. Невозможно подойти близко, не будучи замеченной, и всякая попытка подслушать будет немедленно обнаружена. Но эта ли мысль останавливает Мэриен и заставляет ее вернуться? Или ею руководят более благородные побуждения? Как бы там ни было, но девушка внезапно меняет свое решение. Она отходит от дома и некоторое время стоит, пристально глядя в лес, словно желая броситься в манящую глубину. Прощальный привет сестре, знак Волку следовать за нею – и Мэриен уходит.

Куда и зачем? Почему ей нравятся уединенные прогулки под сенью девственного леса? Любовь к романтическим прогулкам в лесу появилась у девушки лишь недавно, не более месяца назад.

Скваттер не препятствует увлечению дочери охотой. Больше того: он поощряет его и даже гордится смелой дочерью. Хотя он и белый, но, прожив столько времени бок о бок с индейцами, воспринял многие их взгляды и считает, что охота – самое благородное занятие даже для женщины. Думает ли так же прекрасная Мэриен? Или по другой причине она так часто уходит из дома?

Последуем за нею в лес. Может быть, там мы найдем ответ на этот вопрос.

Глава III. Место свидания влюбленных

Взгляните на эту лесную поляну! Она расчищена не рукой человека – сама природа создала в лесу открытое место, на котором не растет ни одного дерева, а только кустарник, благоухающие травы и яркие цветы.

Поляна эта невелика, не больше того маленького участка, где скваттер выращивает свою кукурузу, и находится всего лишь в одной миле от его хижины. Она окружена лесными гигантами, среди которых выделяются тополя, магнолии и величественные дубы. По самому ее краю теснятся деревья более мелких пород, рядами возвышаясь друг за другом, как места в амфитеатре, словно лес склоняется, чтобы поцеловать пестреющие в траве цветы.

Из разновидностей этих более мелких пород здесь встречается сассафрас, широко известный своими целебными свойствами, благородный каролинский лавр с пахучими листьями, красная шелковица и особенное, единственное в своем роде, дерево маклюра, из которого индейцы выделывают свои луки. Тут растет и папайя, что доказывает необычайное плодородие здешней почвы.

Почему же скваттер не поставил свою хижину здесь, на готовой вырубке? Объяснение простое: поляна находится на расстоянии мили от речки, протекающей мимо хижины скваттера, а другой воды в окрестностях нет. Природа словно оберегает прелестный лесной уголок от осквернения его человеком.

Тем не менее люди посещают его.

В это прекрасное майское утро, с которого мы начинаем наше повествование, на поляну легким, упругим шагом вступает какой-то человек. Его гибкий стан и свежее лицо говорят о юности, а костюм и ружье – о том, что он охотник. В его безупречно стройной фигуре чувствуется сила, открытое и смелое лицо освещается мягкими карими глазами, а слегка выступающий вперед подбородок говорит о твердом характере и упорстве в достижении намеченной цели. Если добавить к этому каштановые кудри, крепкую округлую шею, дугообразные брови и небольшой рот с ровными белыми зубами, перед вами будет законченный портрет этого молодого человека – настоящее воплощение идеала мужской красоты.

Но заметно, что своей внешностью молодой человек занимается очень мало и не слишком часто прибегает к помощи гребня и щетки. Костюм молодого охотника – тоже в своем роде совершенство. На нем охотничья куртка из красновато-коричневой оленьей кожи, капюшон и края которой отделаны бахромой. На ногах зеленые суконные обмотки и пара крепких мокасин на толстой подошве. Высокая енотовая шапка сдвинута на правое ухо. Этот головной убор очень живописен – спереди красуется морда зверя, а сзади свисает хвост с поперечно чередующимися полосами. Пояс, короткий охотничий нож в ножнах, пороховой рог и сумка с пулями, висящие на правом боку, дополняют его наряд. Вот и все. Нет, не совсем: необходимо упомянуть о ружье.

Таков Френк Уингроув, отважный молодой житель лесной глуши, призвание которого – охота.

Выйдя на лужайку, молодой человек пересекает ее. Он идет медленно, но не той крадущейся походкой, которая свойственна охотникам Нового Света. Шаг его тверд, и он даже что-то напевает сквозь зубы. Несмотря на то что молодой красавец снаряжен для охоты, видно, что вышел он не за дичью. Сегодня утром Уингроув отправился в лес с другой целью, и, судя по его веселому виду, с целью весьма приятной. Даже птицы кажутся менее веселыми, чем он.

На открытой, пестреющей цветами поляне его радостное настроение достигает высшей точки, и он начинает громко петь известную песенку «Лесоруб, пощади это дерево». Охотник выглядит, как человек, который пришел на свидание и уверен, что скоро встретится с возлюбленной. На противоположном краю лужайки лежит поваленное бурей дерево. Его ветви и кора

давно уже исчезли, остался один побелевший ствол. Охотник направляется к нему и усаживается с видом человека, знающего, что ждать ему придется недолго.

Посреди лужайки, деля ее пополам, вьется едва заметная тропинка, идущая от ручья, на берегу которого стоит хижина скваттера Холта, к другому ручью, впадающему в ту же реку, – Обайон. Там, на его берегах, много участков скваттеров, и там же расположен большой поселок Суомпвилл, громко величаемый «городом». Френк Уингроув устремляет взор на то место, где тропинка выходит из леса, но не со стороны Суомпвилла, а от участка скваттера. По-видимому, та, кого он ожидает, должна прийти именно оттуда.

Проходит довольно много времени, но никто не появляется. Охотник начинает проявлять признаки нетерпения, встает, затем снова садится. Он поглядывает на солнце, которое служит часами для жителей лесов, и чем выше поднимается на небе сияющий диск, тем больше падает настроение молодого охотника. Веселость его пропала. Он давно перестал петь, и лишь изредка слышатся его нетерпеливые возгласы.

Вдруг его лицо снова проясняется. Как раз оттуда, куда устремлены его глаза, доносится легкий шум. Кто-то подходит к лужайке. Молодой охотник вскакивает и напряженно прислушивается. Вскоре до него доносятся голоса. Радость на его лице сменяется удивлением, а потом печальным разочарованием.

– Кто-то разговаривает, – бормочет он вполголоса, – значит, она идет не одна. Кто это может с ней быть?

Он умолкает и снова еще напряженной прислушивается. Шум приближается, голоса становятся громче, и можно уже различить, что разговаривают несколько человек.

Некоторое время охотник стоит, угрюмо глядя в то место, где тропинка выходит из леса. Но ждать приходится недолго. Расслышав голоса более отчетливо, он узнает гортанные звуки индейской речи, и печаль на его лице сменяется досадой.

– Эх! – восклицает он, снова опускаясь на бревно. – Это не она, а какая-то банда краснокожих. Какой черт принес их сюда как раз в такую минуту, когда они совсем не нужны! – после короткого раздумья он встает, продолжая бормотать: – Нужно спрятаться, иначе они остановятся поговорить. Это не годится, она уже, наверное, недалеко. Вот не везет! Будь они прокляты!

Закончив эту изысканную тираду, охотник поспешно обходит бревно, направляясь к ближайшим кустам, чтобы спрятаться за ними. Но он опоздал. Характерное гортанное восклицание «ак», раздавшееся на противоположном краю поляны, служит тому подтверждением и изменяет его намерения: он поворачивается и медленно направляется к своему прежнему месту.

Охотник не ошибся – на поляне появляются три индейца. Они одеты в пестрые рваные одеяла, высокие, до колен, гетры и мокасины. По индейскому обычаю, они, даже выйдя на открытую поляну, продолжают идти гуськом.

Присутствие индейцев в этих лесах требует объяснения. Их племя давно переселено на запад от Миссисипи, но некоторые семьи все-таки остались на той земле, где протекала их молодость. Они живут, подобно своим предкам, в шалашах или под открытым небом и поддерживают свое существование, торгуя всякой мелкой утварью собственного изготовления.

Совершенно очевидно, что трое людей, появившихся на поляне, составляют одну семью или часть семьи. Это отец, мать и дочь, еще очень молоденькая девушка. Впереди идет мужчина, за ним женщина, замыкает шествие девушка. Цель их путешествия ясна: в огромной корзине, которую тащит на спине мать семейства, лежат лисьи и енотовые шкуры и маленькие раскрашенные корзиночки, а в руках у дочери – вышитые бисером мокасины и пояса из мелких раковин. Зачем они направляются в Суомпвилл, догадаться нетрудно.

Верный обычаям своих отцов, индеец ничего не несет, если не считать болтающегося на плече заржавленного ружья и заткнутого за пояс маленького топорика, придающих этому шествующему на рынок человеку весьма грозный вид.

Глава IV. Злополучный поцелуй

Бревно, на которое сел молодой охотник, лежит в нескольких шагах от тропинки. Индейскую семью, проходящую мимо него, он немного знает и поэтому слегка кивает им головой, но не произносит ни слова. Он не желает вступать с ними в разговор по причине, нам известной.

Индеец проходит мимо не останавливаясь, за ним, сгибаясь под тяжестью корзины, следует его жена. Девушка же замедляет шаги, словно ей что-то внезапно приходит в голову. Она сворачивает с тропинки и подходит к охотнику.

Зачем? Может быть, это ее он ждет с таким нетерпением? Конечно, нет! Правда, девушку никто не назвал бы некрасивой. Ее блестящие, слегка раскосые глаза не лишены очарования, и яркий румянец, проступающий сквозь бронзовую кожу, очень красив, так же как и роскошные черные волосы. Так, может быть, это та, которую он ждет? Не раз случалось гордым бледнолицым класть свое сердце к ногам прекрасных индейских девушек! Но нет, охотник даже не встает, чтобы поздороваться с нею, и наблюдает за ее приближением равнодушно и даже с неудовольствием.

Вскоре становится ясно, зачем она подходит. На ее руке висит сумка для пуль из белой оленьей кожи, богато украшенная иглами дикобраза. Подойдя ближе, девушка протягивает ее охотнику, словно намереваясь сделать ему подарок. Можно подумать, что сумка представляет собой «залог любви»; но слово «доллар», произнесенное краснокожей красавицей, совершенно исключает возможность такого предположения. Индейская девушка просто предлагает бледнолицему купить сумку и имеет все основания рассчитывать на удачу, ибо вещь действительно красива и не может не вызвать восхищения. Френк Уингроув с восторгом смотрит на сумку – он знает, что девушка просит очень дешево. Охотник как раз собирался купить себе новую сумку для пуль, так как его старая, сделанная из меха дикой кошки, совсем износилась и засалилась. С некоторых пор он стал обращать внимание на свой костюм (не трудно догадаться, почему). Чудесная сумка так подойдет к его новой охотничьей куртке! Он как раз мечтал о такой! Ведь Мэриен... Он долго не раздумывает. По счастью, у него находится требуемый доллар, и в следующую минуту серебряная монета уже блестит на ладони индианки.

Но индианка не сразу отдает ему его покупку. Какая-то мысль внезапно приходит в голову прекрасной продавщице, и она на мгновение задерживает свой взгляд на красивом лице охотника. Что это – любопытство? Или нежное чувство, внезапно вспыхнувшее в ее сердце? Девушка колеблется лишь мгновение. С нерешительной улыбкой она приближается к молодому человеку, высоко подняв сумку, и расправляет на ней ремень, очевидно, собираясь сама надеть ее на плечо прекрасного охотника. И он не уклоняется от этой услуги. Он не был бы Френком Уингроувом, если бы сделал это. Наоборот, он наклоняется к девушке, чтобы помочь ей, причем их лица оказываются так близко друг к другу, что губы почти соприкасаются. Кажется, что индианка забыла, зачем она так близко подошла к охотнику. Девушка очень неловко надевает ему сумку на плечо через голову, причем ее пальцы запутываются в его каштановых кудрях, выбивающихся из-под шапки. Но индейская красавица ничего не замечает и пристально смотрит ему в глаза.

Сначала Уингроув делает слабую попытку отодвинуться, но легкая усмешка, появляющаяся на его губах, доказывает, что он отнюдь не считает свое положение неприятным. Однако какая-то мысль прогоняет улыбку с его уст.

«Черт возьми! – думает он. – Если бы Мэриен увидела меня сейчас, она решила бы, что я влюблен в эту молодую скво¹. Она уже ревновала меня к ней!»

¹ Скво (индейск.) – женщина.

Но мысль мелькнула и исчезла вместе с воспоминанием о Мэриен. Любезность индейской девушки должна быть вознаграждена поцелуем. Она не сопротивляется. Их губы почти встречаются... Но поцелуй тут же прерван. Раздается лай собаки и подавленный женский крик. В ужасе охотник отшатывается, но лицо индианки выражает лишь удивление. Оба смотрят на противоположную сторону поляны. Там стоит Мэриен Холт!

Щеки Уингроува пылают. На его лице испуг и смущение. В полном смятении он довольно грубо отстраняет от себя индианку.

– Уходи! – тихо говорит он. – Ради бога, уходи! Ты погубила меня!

Пораженная такой неожиданной переменой, индианка сначала повинуетась и, с упреком взглянув на него, неохотно направляется к тропинке, но, не дойдя до нее, внезапно поворачивается и быстро идет назад.

Уингроув изумлен и немного испуган. Прежде чем он успевает опомниться, индианка вплотную подходит к нему, срывает с его плеча ту самую сумку, которую только что надела, и швыряет серебряную монету ему под ноги. Громко и злобно бросив ему в лицо: «Бледнолицый лжец!» – она резко поворачивается и исчезает в лесу.

Все это происходит в течение нескольких мгновений. Мэриен стоит неподвижно и молчит, словно вырвавшийся из груди крик лишил ее дара речи. Стройная фигура девушки в яркой одежде, вырисовывающаяся на фоне зеленой листвы, уложенные короной блестящие волосы, рука, опирающаяся на ружье, и огромная собака рядом – в этой картине есть что-то величественное и в то же время грозное. Мэриен похожа на охотницу, которую Диана из зависти превратила в каменное изваяние. Но глаза ее, мечущие молнии гнева, и лицо, то вспыхивающее румянцем, то бледнеющее, говорят о том, что перед вами не статуя, а живая женщина, охваченная гневным возмущением.

Уингроув в отчаянии не знает, что делать, что сказать. В страшном смятении он бросается к девушке, зовет ее по имени. Но на полпути он останавливается, услышав ее гневный голос.

– Френк Уингроув! – кричит она. – Не подходи ко мне! Нам больше не по пути. Уходи! Отправляйся к своей индейской красотке. Ты найдешь ее в Суомпвилле, где она, наверное, продает свои дешевые поцелуи таким же бессердечным негодяям, как ты! Изменник! Между нами все кончено!

Не ожидая ответа, даже не интересуясь, какое впечатление произвели ее слова, Мэриен Холт скрывается в лесу. Молодой охотник слишком потрясен, чтобы идти за ней. В его ушах еще звучат слова «бледнолицый лжец» и «изменник». Наконец его взгляд случайно падает на бревно, он машинально возвращается к нему и садится, чтобы обдумать последствия своего злополучного легкомыслия.

Глава V. Скваттер и «Святой»

Теперь вернемся к хижине скваттера и войдем в нее. В ней нет ничего примечательного или достойного описания. Она состоит из одной комнаты с бревенчатыми стенами, один угол отгорожен занавеской из шкур черного медведя и лани. Это «спальня» Мэриен и Лилиен.

Как ни просто все в уголке за перегородкой, в нем можно найти несколько реликвий, сохранившихся от давно ушедших лучших дней, проведенных не здесь, а где-то далеко, в других местах. На маленькой полке лежат книги, оставшиеся Лилиен после ее матери, и тут же стоит кое-какая мебель, может быть, не очень дорогая, но вполне приличная. В таких глухих местах вещи подобного рода встречаются чрезвычайно редко даже у более зажиточных людей, чем скваттер Холт.

Вся остальная обстановка состоит из двух табуреток и стола, сколоченного из тополевых досок. Железный котелок, несколько кастрюль, сковородок и жестяных ведер, тарелки из того же материала, выдолбленная тыква, служащая ковшом, полдюжины простых ножей, вилок и ложек составляют всю домашнюю утварь.

На стене висит шкура недавно убитой пумы, а возле нее красуются другие меха: лисицы, енота, рыси, мускусной крысы и норки. Они украшают голые стены хижины, придавая ей жилой вид. У двери висит старое седло, и рядом, на деревянном колышке, – уздечка. Поводья стали черными от долгого употребления, а мундштук совсем заржавел.

Несколько светлых женских платьев виднеются на стене около занавески. Да, эта хижина представляет собой весьма примитивное жилище. Ее можно сравнить с грубой шкатулкой, в которую заключены два сверкающих бесценных бриллианта.

В данное время в доме находятся два человека, к которым такое сравнение никак не относится. Это уже упомянутые выше охотники Хикман Холт и его гость – Джошуа Стеббинс, школьный учитель из Суомпвилла. О внешности учителя уже было сказано несколько слов, но она заслуживает более подробного описания. Его тощая фигура и отталкивающая физиономия уже упоминались. Добавьте к этому маленький рост, землистый цвет кожи, срезанный подбородок, острый крючковатый нос и прямые жидкие черные волосы, падающие на лоб до маленьких, как у хорька, глубоко посаженных глаз. Придайте этому лицу злое выражение, и перед вами будет портрет Джошуа Стеббинса. Трудно сказать, почему облик учителя вызывает отвращение: черты его лица довольно правильны, и, если бы не землистый оттенок кожи, вряд ли можно было бы назвать Стеббинса некрасивым. Глаза его не косят, а тонкие губы сложены в благочестивую улыбку. Может быть, именно это напускное благочестие, столь очевидно не соответствующее внутренней сущности Джошуа Стеббинса, и производит отталкивающее впечатление. В юности лицо его было, по-видимому, более привлекательным, но с тех пор на него легла печать порока.

Трудно себе представить, чтобы этот человек мог когда-нибудь предаваться греховным страстям, которые так не вяжутся с его теперешней профессией и поведением. Но Джошуа Стеббинс не всегда был школьным учителем. Кроме того, в такой глуши учителями могут стать самые разные люди. Стеббинс поселился здесь недавно и до сих пор проявлял себя с самой лучшей стороны. Вот почему, чтобы усилить впечатление добродетели и святости, он одевается, как священник: носит шляпу с загнутыми лодочкой полями, сюртук, жилет, брюки из дешевого черного сукна и белый галстук.

Джошуа Стеббинс не священник, хотя, как это будет видно дальше, не одной только одеждой ограничивается его причастность к духовному званию. В недавнем прошлом писец в кон-

торе адвоката и школьный учитель Суомпвилла, он стал «апостолом» мормонов², или, как он себя называет, «святым последних дней».

События, о которых мы сейчас рассказываем, происходили в первое десятилетие после возникновения мормонской секты, и Холт еще не знал, что Джошуа стал ее последователем. Вот почему он с удивлением рассматривает необычный покррой одежды своего гостя.

Трудно себе представить больший контраст между двумя людьми, чем тот, что существует между Стеббинсом и скваттером. Если бы мы выбрали для них два соответствующих типа в мире зверей, то первого можно было бы сравнить с хитрой лисой, а второго, то есть скваттера, – с гризли.

Хикман Холт – человек огромного роста, с косматой седеющей бородой песочного цвета, достигающей второй пуговицы его куртки, с густыми, торчащими, как щетина кабана, бровями над серо-зелеными глазами и с широким синевато-багровым шрамом на левой щеке. Все вместе взятое придает его лицу выражение ничем не смягченной свирепости, вызывая у окружающих чувство невольной робости и даже страха. Выражение это подчеркивается красным бумажным платком, обвязанным вокруг головы и низко надвинутым на лоб. На нем длинная, свободная куртка из толстого зеленого сукна, поношенная и выцветшая, красная фланелевая рубашка, заменяющая ему жилет, и панталоны из синей кентуккийской бумазеи, которые едва видны из-под куртки, так как полы ее достигают высоких грубых сапог из лошадиной кожи.

Неужели это отец Мэриен и Лилиен? Возможно ли, что из столь грубого и корявого ствола могли вырасти такие грациозные ветви, такие пленительные цветы? В таком случае их матери, вероятно, были исключительными красавицами? Да. Они были прекрасны – были, ибо обе уже умерли, и Хикман Холт – дважды вдовец. Давно похоронил он метиску, мать Мэриен, а затем, всего лишь несколько лет назад, ее нежная золотоволосая преемница также преждевременно сошла в могилу. Случилось это в одном из поселков, расположенных ближе к цивилизованным районам. Соседи шептались по поводу второго вдовства Хикмана Холта, и разговоры их умолкли лишь после переезда его дальше на запад, в девственный лес, где мы и встречаемся с ним. Здесь никто ничего не знает о его прошлом, кроме человека, находящегося сейчас в его хижине.

* * *

Гость, казалось бы, должен испытывать почтение к грозному хозяину. Но происходит обратное: скваттер угодливо и смущенно, даже в некотором замешательстве, здоровается со школьным учителем. Тот же держится холодно и высокомерно, и насмешливая, полупрезрительная улыбка не сходит с его тонких губ. Даже поверхностный наблюдатель заметил бы, что подлинным хозяином является здесь не скваттер, а ничтожный, невзрачный человечек – Джошуа Стеббинс!

² Мормоны – американская религиозная секта, основанная в 1830 году Джозефом Смитом. Религия мормонов представляет собой смесь языческих и христианских верований и разрешает многоженство. В 50-х годах XIX века секта возглавлялась «пророком» Бригхемом Юнгом.

Глава VI. Апостол

Утро было теплое, но в очаге еще тлели угли от хвороста, на котором только что готовился завтрак.

По обе стороны очага скваттер поставил по табурету – для гостя и для себя, а между ними стол с двумя треснувшими чашками и бутылкой виски. Тут же лежали две трубки из кукурузных стеблей и немного черного табаку. Все было приготовлено заранее; поэтому Лилиен и сказала, что в этот день Хикман Холт ожидает гостя.

Пока гость и хозяин не сели за стол, они не обменялись ни единым словом, кроме обычного приветствия. Наконец скваттер заговорил.

– Вы, наверное, устали с дороги, Джош, и не прочь прополоскать себе глотку, – сказал он, протягивая руку за бутылкой. – Попробуйте-ка этой бурды. Напиток, конечно, не слишком изысканный и не совсем удобно предлагать его такому франту, как вы, но в наших дебрях приходится пить и не такую дрянь. Желаете разбавить – возьмите воду из кувшина.

– Не надо, – коротко ответил гость.

– Вы правы, так лучше. Я купил это пойло в Суомпвилле у Хэтчера. Прежде чем продать, он сам разбавляет его водой. Наверное, чтобы избавить нас от лишних хлопот.

Скваттер расхохотался над своей остротой не потому, что она ему очень понравилась, а просто стараясь развеселить своего молчаливого гостя. Вместо ответа на тонких губах Стеббинса промелькнула саркастическая, полупрезрительная улыбка.

Они молча выпили.

И снова Холту пришлось первому возобновить разговор. Он сразу заметил, что гость его одет не так, как обычно, и решил заговорить на эту тему.

– Послушайте, Джош, – начал он, пытаясь говорить шутливо, – по какому случаю вы так вырядились сегодня? Ведь на вас все с иголочки, новое, да и костюм точь-в-точь как у этих ханжей-проповедников, которые заходят в Суомпвилл. Черт возьми, я вижу, вы что-то задумали. Не стали же вы набожным!

– Нет, стал, – серьезно ответил Стеббинс.

– Ну? Ха-ха-ха! К какой же религии вы примкнули, Джош?

– К истинной, брат Холт.

– Стали методистом?

– Ничего подобного.

– Кем же? Ведь в Суомпвилле все методисты.

– Нет. Моя религия совсем другая и ничего общего не имеет с той, которую исповедуют суомпвиллские лавочники. Господь в своей неизреченной милости указал мне истинный путь к спасению. Полагаю, брат Холт, вы слышали о новом откровении?

– О новом откровении? Нет, не слышал. А что это такое?

– Я имею в виду учение мормонов.

– А-а, мормоны! Мне говорили, что они проповедовали не то в Миссури, не то в Иллинойсе, пока их оттуда не выгнали.

– Да, брат Холт, гнусные противники нашей веры злобно преследуют святых.

– Кажется, их главного святого убили. Фамилия его как будто была Смит?

– Увы! Это правда. Джозеф Смит принял мученический венец и сейчас находится на небесах, первый среди сонма ангелов.

– Но от кого вы слышали об этой религии, Джош Стеббинс? Кто надоумил вас стать мормоном?

– Вы помните человека, с которым я был у вас прошлой осенью?

– Конечно. Мне даже запомнилось его имя – Юнг... Бригхем Юнг – так, кажется, вы его называли?

– Он самый.

– Я помню его хорошо, но думаю, что Мэриен помнит еще лучше. Он пытался заигрывать с моей девчонкой, говорил ей всякие любезности, только ей они пришлись не по вкусу. Вы помните, какую шутку она с ним сыграла? А? Она расстегнула подпругу на его лошади как раз в ту минуту, когда ваш приятель на нее садился, и он полетел вверх тормашками на землю со всеми сумками и седлом. После его отъезда я так смеялся, что чуть не лопнул.

– Вы согрешили, Хикман Холт, поощряя дерзкие выходки вашей дочери. Если бы вы знали, кто посетил вас! В вашем доме, сэр, был пророк!

– Пророк!

– Да, величайший пророк, которого еще не видел мир, человек, находящийся в непосредственном общении с самим Всевышним!

– Черт! Но ведь это был не Джо Смит?

– Нет. Но он не менее велик, ибо унаследовал дух Джозефа Смита и теперь стоит во главе мормонов.

– Тот парень, что был здесь, – во главе мормонов? Да что вы, Джош Стеббинс!

– Вполне понятно, что вы удивлены. Я тоже в свое время был поражен, Хикман Холт. Это он указал мне верный путь к спасению. Лишь благодаря ему я понял свои заблуждения.

Скваттер недоверчиво посмотрел на Стеббинса, но ничего не ответил.

– Да, – продолжал гость, – тот самый человек, что однажды был в вашем убогом жилище, теперь первосвященник мормонов. Он возложил руки на мою недостойную голову и сделал меня одним из своих смиренных апостолов. Да, одним из двенадцати, тем, кому поручено распространять истинную веру святых по всему миру.

– Ого, Джош Стеббинс! – воскликнул скваттер. – Работа как раз для вас – вы же человек ученый.

– Несомненно, брат Холт. Я надеюсь, что с помощью Всевышнего я сумею применить с пользой свои скромные знания. Несмотря на то что только Бог может открыть нам, бедным грешникам, небесные ворота, он в своем бесконечном милосердии дозволит мне, своему недостойному слуге, указывать заблудшим узкий путь, ведущий в Царство Божье.

– Не потому ли вы явились сюда сегодня, что решили начать с меня и сделать из меня мормона?

До этой минуты разговор был натянутым и принужденным, потому что скваттер не мог скрыть тревогу, несмотря на все свои усилия казаться веселым. Стеббинс предупредил его о своем визите, и он знал, что учитель приехал по важному делу. Он задал Стеббинсу последний вопрос, чтобы заставить того объяснить наконец цель его приезда.

Как рад был бы скваттер, если бы учитель подтвердил его предположение! В сущности говоря, ему ничего не стоило примкнуть к секте мормонов или сделать вид, что он стал их последователем. В душе Холта затеплилась надежда, что именно это привело к нему Стеббинса, и лицо его немного просветлело. Но оно тут же снова затуманилось, поскольку «святой» не торопился с ответом.

– Имейте в виду, Джош, – продолжал Холт, стараясь говорить беззаботно, – меня будет трудно убедить. Вам предстоит нелегкая задача.

– Я так и думал, – сухо отозвался апостол, – вот почему я и не собираюсь убеждать вас. Не скрою, мне хотелось бы видеть вас среди верных, брат Холт. Наш первосвященник был бы доволен. Нам нужны такие люди, как вы, Хикман Холт, – сильные телом и духом, ибо Господь дал право своему пророку защищать истинную веру даже оружием, и горе тому, кто пойдет против нас! Да убоятся враги наши ангелов-мстителей!

– Ангелов-мстителей? А что это такое?

– Это даниты³.

– Я все равно ничего не понимаю, Джош. Бросьте меня морочить. Кто такие даниты?

– Это вы можете узнать после посвящения. Скажу одно: вы созданы быть данитом. И я не сомневаюсь, что вы станете одним из них, как только обратитесь в истинную веру.

Апостол замолчал, чтобы посмотреть, какое впечатление произвели его слова. Но охотник, казалось, их не слышал; в эту минуту он пытался отгадать, что же привело сюда Стеббинса, и его сердце сжималось от дурных предчувствий. У него было много оснований предполагать, что разговор коснется его дочерей. И действительно, после некоторого молчания мормон наконец произнес:

– Слушайте, Хикман Холт, дело, по которому я сегодня приехал, касается не вас... то есть, вернее, не совсем вас.

– А кого же?

– Вашей дочери.

³ Даниты (от имени Дана, одного из сыновей библейского патриарха Иакова), или «ангелы-мстители», – специальный отряд у мормонов, которому вменяли в обязанность исполнение тайных смертных приговоров.

Глава VII. Требование мормона

По огромному телу скваттера пробежала дрожь. Он напряг всю силу воли, чтобы скрыть охвативший его трепет, но учитель заметил этот страх и прекрасно понял, чем он был вызван. Бывший писец адвоката хорошо умел читать выражение человеческих лиц, и его трудно было обмануть.

– Моей дочери? – пробормотал Холт, машинально повторяя слова Стеббинса.

– Да, вашей дочери, – невозмутимо повторил мормон.

– Но которой? У меня их две.

– Вы прекрасно знаете, о ком я говорю, – о Мэриен.

– А что нужно вам от нее, Джош?

– Полно вам притворяться, брат Холт! Я с вами об этом уже говорил.

– Провалиться мне на этом месте, если я что-нибудь понимаю! Я помню, что вы говорили, но я думал, вы шутите.

– Я говорил совершенно серьезно, брат Холт. А сейчас говорю с вами еще серьезнее. Мне нужна жена, и я считаю, что Мэриен для этого подходит. Да, между прочим, известно ли вам, что святые не живут более в Иллинойсе, а поселились за Скалистыми горами?

– Я что-то об этом слышал.

– Ну, так вот, я собираюсь ехать к ним и должен привезти с собой жену. Мормону полагается быть женатым, иначе он не может рассчитывать на радушный прием.

– Д-да, – с горькой усмешкой процедил скваттер. – И, судя по тому, что я слышал о мормонах, тот, кто привезет их с полдюжины, будет принят еще радужнее.

– Вы говорите вздор, Хикман Холт! Я удивляюсь, как человек с вашим здравым смыслом может верить такой выдумке. Это сплетни, распространяемые кучкой священников и методистских проповедников. Они нам завидуют и не могут примириться с тем, что люди их паствы один за другим переходят к нам. Все это злобная клевета, в которой нет ни единого слова правды.

– Ну, этого я не знаю. Но зато уверен в другом: Мэриен никогда не даст согласия быть вашей женой.

– А мне не нужно ее согласия. С меня достаточно вашего.

– Моего?

– Ну да, вашего. И вы должны его дать. Послушайте, Хикман Холт! Мы слишком много говорим. У меня нет времени повторять одно и то же. Все уже подготовлено к отъезду. Я собираюсь выехать к Большому Соленому озеру через три дня. Из форта Смит на реке Арканзас отправляется туда караван. К тому времени, как я туда приеду, он как раз будет готов тронуться в путь. Я уже купил упряжку и фургон. Он нагружен всем необходимым, и в нем оставлено место специально для вашей дочери. Она должна ехать.

Тон учителя внезапно из елейно-благочестивого стал повелительным и наглым, а скваттер, несмотря на свой грозный вид, не осмеливался отвечать ему тем же. Он, очевидно, был чем-то сильно испуган.

– «Должна»! – машинально пробормотал он.

– Да, должна и поедет.

– Говорю вам еще раз, Джош Стеббинс, она ни за что не согласится.

– А я говорю вам, Хикман Холт, что мне не нужно ее согласия. Добиться его я предоставляю вам, а если она не захочет, вы должны принудить ее силой. Скажите, пожалуйста, чего лучшего ей еще желать? Хороший муж, хороший дом, вдоволь еды, питья и нарядов! Имейте в виду, что мы, мормоны, не похожи на лицемерных ханжей других вероучений, думающих, что угождают Богу тем, что умерщвляют свою плоть. Как раз наоборот, уверяю вас. Господь создал

людей, чтобы они ели, пили и веселились. Посмотрите! – И с этими словами Стеббинс вынул из кармана горсть блестящих золотых монет. – Вот как живут апостолы нашей церкви. Вашей дочери со мной будет в тысячу раз лучше, чем с вами в этой жалкой лачуге. А может быть, она вовсе и не будет возражать против перемены жизни? Я знаю, что многие самые красивые девушки с радостью приняли бы мое предложение.

– Только не Мэриен, – снова возразил скваттер. – А кроме того, она не захочет, чтобы из нее сделали мормонку. Она терпеть не может этих ваших святых.

– А я говорю вам, что Мэриен должна покориться. В конце концов, совершенно не обязательно говорить ей, что я мормон. Пусть она думает, что мне просто хочется переехать дальше на запад – в Орегон, тем более что туда сейчас переселяется очень много почтенных и уважаемых людей. Тогда мой отъезд не покажется ей подозрительным. А когда она окажется в Солт-Лейк-Сити, она скоро привыкнет к нашей жизни.

В течение нескольких минут скваттер молча сидел, опустив голову на могучую грудь. Он словно искал в глубине своей души ответа, как поступить и что сказать. В нем бушевали противоречивые чувства. Холт любил свою дочь и хотел предоставить ей право распоряжаться собой, но боялся этого святоши, ее поклонника, и не осмеливался противоречить ему. Власть этого плюгавого человечка над гигантом могла объясняться только какой-то страшной тайной или дьявольской хитростью.

Время шло, но скваттер по-прежнему молчал. Он все еще колебался и никак не мог решить, что ему ответить. Несколько раз он украдкой взглядывал на своего гостя, но лицо Стеббинса оставалось неумолимым и беспощадным.

Вдруг скваттер поднял голову. Очевидно, он решил не уступать. Лицо его внезапно преобразилось и приняло угрожающее выражение. Торжествующий вид лжесвятого взбесил его даже больше, чем предъявленное требование. Скваттера охватил неукротимый гнев, который можно было сравнить лишь с яростью бизона, пронзенного стрелой индейца, или кита, доведенного до безумия острой гарпунщика. Он словно очнулся от летаргического сна, вскочил на ноги и выпрямился перед своим мучителем во весь исполинский рост.

– Черт побери! – взревел он, топнув тяжелым сапогом. – Она никуда с вами не поедет!

– Не горячитесь, Хикман Холт, – невозмутимо ответил мормон, продолжая спокойно сидеть на своем месте. – Не горячитесь! Я так и знал, что вы вспылите. Но ведь ваши угрозы не стоят выеденного яйца. Повторяю: она должна ехать и поедет.

– Берегитесь, Джош Стеббинс, берегитесь! Вы не знаете, до чего вы можете довести меня...

– Но я знаю, к чему я могу вас привести, – перебил с насмешливой улыбкой апостол.

– К чему? – удивленно вырвалось у Холта.

– К виселице, – коротко ответил Стеббинс.

– Будьте вы трижды прокляты! – зарычал скваттер, скрежеща зубами, но одновременно на его лице промелькнули смятение и страх. Угроза, очевидно, подействовала. Он притих.

– К чему ругань и крики, Холт? – продолжал мормон после короткого молчания, последовавшего за гневной вспышкой скваттера. – Я твердо решил, что девушка поедет со мной. Скажите: да или нет? Если да, то все будет хорошо и для вашей дочери и для вас. Я уйду с вашей дороги. Вы понимаете, что я имею в виду? Соленое озеро далеко отсюда, и поэтому вряд ли вы меня когда-нибудь опять увидите.

Апостол произнес последнюю фразу с особым ударением и замолчал, предоставляя скваттеру поразмыслить над ее значением. И его слова оказали свое действие. Услышав их, Холт просветлел. Предложение мормона как будто представилось ему в ином свете.

После некоторой паузы он заговорил, но уже без гнева, потому что его возмущение улеглось так же внезапно, как вспыхнуло.

– Ну, а если я скажу «нет»?

– В таком случае я уеду отсюда не так скоро, как предполагаю. Мне придется остаться в Суомпвилле, чтобы выполнить свой долг, которым я столь преступно и длительно пренебрегал.

– Какой долг вы имеете в виду?

– Долг перед обществом: предать убийцу в руки правосудия.

– Тс-с!.. Джош Стеббинс, ради бога, говорите тише! Вы знаете, что это неправда, но все же... тс-с... Девушки здесь рядом... они ничего не должны слышать...

– Возможно, убийца воображает, – продолжал Стеббинс, не обращая ни малейшего внимания на слова скваттера, – что ему удастся ускользнуть от наказания, но он очень ошибается, если так думает. Одно мое слово – и блюстители закона настигнут его. Но, даже скрывшись от них, он все равно не уйдет от меня. Вам уже известно, что я – апостол великой мормонской церкви, а избежать карающего меча наших ангелов-мстителей не может даже самый ловкий человек. Ну, Хикман Холт, что же вы скажете: да или нет?

Судьба бедной Мэриен была решена. После недолгого молчания скваттер произнес хриплым от волнения голосом:

– Да, да, она поедет с вами!

Глава VIII. Щедрое вознаграждение

После мирного договора, заключенного в Гуаделупе Идальго⁴, большая часть наших войск была распущена по домам и много тысяч сабель со звоном вложено в ножны.

Многие из них, фигурально выражаясь, были перекованы в лопаты, и их хозяева отправились к далеким берегам Тихого океана добывать золото в Калифорнии. Большинству же клинков был предназначен печальный удел – висеть на стенах кабинетов или торговых контор и ржаветь в бесславном бездействии.

Трехлетняя кампания под знойным небом Мексики погасила воинственный пыл американской молодежи и удовлетворила честолюбие большей ее части. Только те, что пришли на поле брани слишком поздно и не успели отличиться, желали продолжения войны.

Я, Эдвард Уорфилд, бывший капитан конных стрелков, не принадлежал к последней категории.

Для меня, как и для многих других, мексиканская кампания была лишь продолжением мелких стычек, то и дело вспыхивавших на границе Техаса. Те скудные лавры, которые мы пожали в них, сплелись с более свежими и обильными, заслуженными на полях мексиканских сражений. Этот лавровый венок нас вполне удовлетворил. Я устал от тягот войны и страстно желал мира, хотя бы временного, чтобы немного отдохнуть и пожить на покое. Я вполне разделял чувства поэта, жаждавшего найти уединение «вдали от суеты людской, под сенью девственного леса», хотя, пожалуй, мне ближе было желание другого поэта, который не так стремился к одиночеству, но хотел «в пустыне жить с возлюбленной своей, служенью ей отдав себя всецело». Сказать по правде, и мне хотелось претворить в жизнь его мечту, но, к сожалению, я был слишком беден, чтобы содержать жену. Каждому известно, что отсутствие средств является непреодолимой преградой на пути самых заветных желаний!

Я достаточно долго жил в глуши и знаю, что даже в пустыне жить без денег нельзя и что, как бы живителен там ни был воздух, никакая возлюбленная питаться им не может, а требует чего-то более существенного. Благоразумие подсказывало мне, что о женитьбе не может быть и речи.

Увольняя нас из армии, государство не дало нам пенсии. Взамен нее нам вручили свидетельство на право получения земельного участка, считая, что за проявленные доблести этого вполне достаточно. Такой участок мы имели право выбрать из государственных земельных фондов. Количество земли определялось сроком службы. На мою долю приходилось шестьсот сорок акров. В обычное время акр стоил доллар с четвертью, но ввиду того, что после войны рынок был завален подобными документами, цена упала вдвое.

Так щедро наградило меня правительство за годы службы в армии, и мне ничего больше не оставалось, как безропотно удовольствоваться его скромным даром. Мой верный конь, неоднократно выносивший меня из дыма кровавых сражений, да испытанное в боях ружье, с которым я никогда не расставался, составляли все мое имущество. К нему можно еще прибавить пару револьверов Кольта, толедский кинжал, взятый при штурме Чапультепека, и только что полученный документ. Кроме того, у меня из последнего жалованья оставалось немного денег, но на них нельзя было купить даже гражданского платья. Как я ни мечтал о нем, мне, к сожалению, пришлось остаться в своем старом мундире с золочеными пуговицами, на которых были изображены орлы с распростертыми крыльями. Когда-то я с гордостью носил его, охваченный честолюбивыми мечтами, но теперь это чувство поистерлось, как поистерся сам мундир.

⁴ Гуаделупе Идальго – город в Мексике, где был подписан в 1848 году мирный договор между США и Мексикой после войны 1846–1848 годов.

Однако большинство моих знакомых, не зная истинных причин, думали, что я ношу его из тщеславия. Как они ошибались!

Я старался избегать их, и, в отличие от большинства отставных офицеров, которые продали свои права на землю за бесценок и тут же прокутили деньги, сохранил свой документ. Я ни в коем случае не хотел отдавать его в руки жадных спекулянтов, так как у меня были совсем другие намерения. Этот документ сулил мне жизнь, о которой я мечтал: дом в девственном лесу, где я мог поселиться в одиночестве, ибо, к сожалению, у меня даже в перспективе не было никого, кто разделит бы его со мной.

В это время я гостил в Теннесси у своего сослуживца, с которым дружил еще до войны. Он был потомком одного из первых пионеров, поселившихся в этом штате и основавших город Нэшвилл.

От него я слышал так много волнующих рассказов о приключениях его деда, что Теннесси в моем воображении стал краем, овеянным романтикой. Я полюбил этот гостеприимный штат и твердо решил поселиться в нем.

Посещение земельного управления закончилось тем, что я выбрал участок № 9 в ***. Мне сказали, что местность эта очень плодородна и расположена на берегах прекрасного Обайона, недалеко от его впадения в Миссисипи. Чиновник управления, с которым я беседовал, сообщил мне, что мой участок уже расчищен каким-то скваттером, но живет ли этот скваттер там до сих пор, чиновник не знал.

– Во всяком случае, – сказал он, – этот человек, вероятно, слишком беден, чтобы воспользоваться преимущественным правом покупки обработанной им земли, и он должен будет передать участок вам.

Сообщение о том, что в моей будущей усадьбе имеется вырубка, чрезвычайно меня обрадовало. Несмотря на то, что в Техасе я привык к жизни в лесу, дровосеком я от этого не стал. Вырубка скваттера, как бы мала она ни была, могла послужить началом моей будущей плантации.

Считая, что в этом отношении мне очень повезло, я отдал чиновнику свой документ и взамен получил необходимые бумаги, удостоверявшие, что я отныне являюсь законным хозяином и владельцем участка № 9. Кроме того, чиновник сообщил мне, что будущее мое владение находится в лесной чаще и что ближайший от него поселок называется Суомпвилл, а участок известен под названием «Вырубка Холта», по-видимому, по имени поселившегося там скваттера.

Получив эти сведения и спрятав в карман выданные мне бумаги, я попрощался с любезным чиновником, а он пожелал мне удачи и счастливой жизни на моей будущей плантации.

Глава IX. Дружеский совет

Вернувшись из земельного управления, я сообщил моему другу о своем приобретении и с удовольствием услышал, что он одобряет мой выбор.

– Земля на Обайоне вас не подведет, – сказал он. – Это одна из плодороднейших местностей в Теннесси. Кроме того, должен порадовать вас как охотника: в тех лесах водится масса всякой дичи. В долине Обайона, как и вообще в лесах штата Теннесси, черный медведь и даже пантера – явление весьма обычное.

– Очень рад это слышать.

– Я уверен, – продолжал мой друг, улыбаясь, – что вы сможете стрелять оленей прямо из дверей вашего дома и ставить капканы на волков и диких кошек у самого курятника.

– Замечательно!

– Несомненно. Долина Обайона – истинный рай для охотника.

– В таком случае, – ответил я, – она привлекает меня еще сильнее. Судя по вашим словам, я нашел то, о чем мечтал.

– Между прочим, – прервал меня мой друг, и лицо его вдруг стало серьезным, – вы как будто сказали, что на вашем участке живет какой-то скваттер?

– Во всяком случае, он там жил – так сказал мне чиновник земельного управления. Но живет ли он там до сих пор, неизвестно.

– Если он еще там, вы можете попасть в неприятное и весьма затруднительное положение, – задумчиво ответил мой друг, энергично поглаживая бородку.

– В каком отношении затруднительное? Разве то, что он там живет, имеет какое-нибудь значение?

– Огромное. Скваттеры обычно люди грубые и неотесанные, и с ними не только трудно, но и небезопасно иметь дело. Особенно если вы к ним являетесь для того, чтобы выгнать с земли, которая, по их мнению, принадлежит им. Правда, у них есть преимущественное право покупки – другими словами, если бы он захотел купить этот участок, вам пришлось бы искать себе другой, но эти господа редко пользуются своим правом, потому что слишком бедны.

– Так в чем же дело?

– Их девиз: «Кто смел, тот и съел». Для скваттеров старая поговорка законников: «Держатель на девять десятых собственник» – не пустой звук.

– Вы хотите сказать, что скваттер может отказаться освободить землю?

– Видите ли, все будет зависеть от того, что он собой представляет. Они не все одинаковы. Если ваш скваттер окажется грубым и упрямым человеком, у вас, по всей вероятности, будет много неприятностей.

– Но ведь закон... – начал я.

– ...поможет вам выселить его? – прервал меня мой друг. – Вы так хотите сказать?

– Разумеется. Во всяком случае, в Теннесси не может быть иначе.

– К сожалению, должен вас разочаровать. В любой другой части нашего штата вы могли бы рассчитывать на помощь властей, но боюсь, что в Суомпвилле вы встретите лишь людей, подобных тем, с которыми вам приходилось иметь дело в Техасе. Вы сами знаете, как мало там считаются с законом.

– В таком случае – я сам сумею с ним справиться! – с горячностью возразил я, так как меня охватило возмущение при мысли о подобном препятствии.

– Нет, Уорфилд, – спокойно ответил мой рассудительный друг, – не идите по этому пути. Я знаю, вы не из тех, кого можно запугать и заставить отказаться от своих прав, но в данном случае следует быть благоразумным. Будем надеяться, что ваш скваттер – такая же фикция, как многие наши города, существующие лишь на карте. Но если на вашей земле действительно

окажется подобный субъект, у него, несомненно, есть с полдюжины соседей, таких же скваттеров, как он сам. Обычно эти господа не очень солидарны, но тут они будут единомышленны в своих симпатиях и антипатиях, как при совместной охоте на медведя. Выгони вы одного силой, с помощью закона или без него, вы потревожите целое осиное гнездо. Если вашему скваттеру придется покинуть свою вырубку, вы окажетесь в кругу враждебно настроенных соседей, а между тем вам неминуемо придется иметь с ними дело. Все это я знаю по собственному опыту.

– Что же вы посоветуете делать?

– Поступить так, как поступали другие. Если на вашем участке действительно живет скваттер и если он заупрямится – а он, несомненно, заупрямится, – подойдите к нему осторожно и попробуйте уладить все мирным путем. Вы увидите, что самое правильное – это договориться с ним. Обычно они честные и нередко по-своему гордые люди. Поговорите об улучшениях, которые он произвел, и предложите ему компенсацию.

– Ах, дорогой Блаунт! – воскликнул я, обращаясь к моему доброму хозяину просто по имени. – Легче выслушать ваш совет, чем последовать ему!

– Вот что, дружище! – ответил он после небольшого молчания. – Я понимаю, что вы хотите сказать. Такие старые товарищи, как мы, могут говорить прямо. Пусть подобное затруднение не помешает вам действовать согласно моему совету. Я еще не окончательно растратил наследство деда, и, если вам понадобится сто-двести долларов, чтобы откупиться от скваттера, дайте мне знать, и я тотчас же вышлю их вам.

– Благодарю, Блаунт, благодарю! Я знал, что вы мне это предложите, но я не хочу из-за какого-то скваттера брать деньги в долг. Слишком много лет я жил в Техасе, чтобы меня мог запугать какой-то лесной охотник.

– Полно, Уорфилд! Бросьте горячиться и последуйте лучше моему совету. Прошу вас, не поступайте опрострачиво, а действуйте так, как я вам говорю.

– Все будет зависеть от обстоятельств. Если мистер Холт – так, кажется, его зовут – не будет упрямиться, я, пожалуй, воспользуюсь вашим любезным предложением и заплачу ему за расчистку участка. Если же он меня встретит в штывы, я с ним церемониться не буду, клянусь мадонной Гуаделупской, как мы говаривали в Мексике. Впрочем, может быть, мы совершенно напрасно так долго обсуждаем этот вопрос и пресловутый скваттер существует лишь в нашем воображении? Возможно, он давно отправился на тот свет, и тогда только его привидение будет бродить по этому старому участку. Вдруг он станет являться ко мне, чтобы скрашивать полные часы моего одиночества? Приятное дополнение к волкам и диким кошкам. Ха-ха-ха!

– Послушайте, старина, – ответил мой друг, – боюсь, что соседство такого привидения будет приятнее, чем живой скваттер, у которого отнят его участок. Несмотря на ваши шутки, я надеюсь, что вы поступите рассудительно и будете всегда помнить, что можете рассчитывать на мою помощь, если она вам понадобится.

Блаунт горячо пожал мою руку, и я почувствовал, что расстаюсь с одним из немногих оставшихся у меня настоящих друзей.

* * *

Вещи мои были уже уложены. Все мое имущество уместилось в двух седельных сумках, пистолеты были на мне, саблю я приторочил к седлу. Попрощавшись с моим другом, я сел на своего благородного арабского скакуна и, выехав на дорогу, повернул на запад, туда, где лежала долина Обайона.

Глава X. Край громких названий

Нэшвилл находится в ста милях от Суомпвилла, иными словами – в трех днях пути, если ехать верхом. Первые десять миль – до реки Харпет – дорога, по обеим сторонам которой тянулись изгороди плантаций, была великолепна. Вскоре я достиг Парижа, а еще через сорок миль очутился в Дрездене. Судя по названиям, можно было подумать, что я нахожусь в Европе. Если бы мой путь лежал немного правее, я попал бы в Азию, так как мне сказали, что в том направлении находятся Смирна и Троя, а если бы я свернул налево, то проехал бы через Данию и достиг Мемфиса. Иными словами, я совершил бы огромное путешествие, и всего в течение каких-нибудь трех дней.

Что за нелепые названия! Какой учитель приходской школы так беззастенчиво и щедро разбросал их по этим чудесным местам! Мемфис! Как будто древний Мемфис с его величественными статуями нуждается в увековечивании на берегах Миссисипи! На каждом перекрестке, спрашивая, в каком направлении мне следует продолжать путь, я слышал прославленные названия, пока в конце концов меня не охватило возмущение.

После Дрездена наименования стали менее претенциозными, но их в то же время становилось все меньше и меньше, так как я ехал по пустынной местности, где вообще было нечего называть. Многочисленные реки и ручьи, встречавшиеся на моем пути, видимо, были окрещены самими жителями лесов. Названия – Олений, Илистый, Енотовый, Кошачий, ручьи Малые и Большие излучины – свидетельствовали о том, что первые поселенцы, исследовавшие гидрографическую систему этого края, не были слишком эрудированными.

Как жаль, что часть этих простых и образных названий впоследствии была изменена! Но, к сожалению, такие переименования делаются и до сих пор.

На картах стираются нежные и благозвучные индейские и испанские наименования и еще более характерные и выразительные имена, данные первыми следопытами. Их подобострастно заменяют фамилиями местных воротил и видных чиновников.

«Нет никакого сомнения, что генерал Смит будет доволен, если я назову эту красивую реку его именем. Он, конечно, упомянет обо мне в следующем же донесении. А как будет улыбаться министр, увидев, что его фамилия увековечена на моей карте никогда не высыхающим озером, которое отныне будет элегантно называться Озером Джонса!»

* * *

После Дрездена дорога, по которой я ехал, уже не заслуживала этого названия. Она превратилась в едва заметную тропинку, вьющуюся по лесу. Кое-где на деревьях виднелись зарубки, указывающие направление. По мере того как я все ближе подъезжал к месту назначения, у меня, естественно, возрастало желание узнать что-нибудь о Суомпвилле, поскольку мне предстояло жить в непосредственном соседстве с ним.

Я бы, конечно, с удовольствием расспросил, что представляет собой этот поселок, но, к сожалению, спрашивать было некого, так как на расстоянии последующих десяти миль я не встретил ни одного живого существа, если не считать негра, везшего дрова в повозке, запряженной быками. Отчаявшись получить от него нужные сведения, я не стал его долго задерживать. Единственное, что мне удалось из него вытянуть, было следующее: «Да, масса, до Суомпвилла вниз по реке десять миль».

Эти мили «вниз по реке» оказались очень длинными, и на всем их протяжении я не встретил ни одной души, пока не очутился совсем близко от поселка.

Мне было уже известно, что Суомпвилл основан совсем недавно. Даже в Нэшвилле о его существовании знали только земельное управление. Однако Суомпвилл оказался вовсе не таким уж захудалым местечком. Причина же того, что на своем пути я увидел так мало движения, заключалась в том, что я въехал в город, так сказать, «с задворок», так как главные улицы Суомпвилла выходили на реку.

Сначала мне встречались разбросанные бревенчатые постройки, которые по мере моего продвижения вперед становились все многочисленнее. Среди них начали попадаться вполне приличные дома. Перед одним из таких домов, самым большим, стоял высокий столб, вернее, дерево со спиленными ветвями и верхушкой, на котором был установлен скворечник, а под ним приколочена широкая доска с надписью: «Гостиница». Эту доску украшал портрет генерала Джексона⁵. Нельзя сказать, чтобы вывеска была очень уместна. Лицо старого генерала отнюдь не было радушным. Но ехать дальше не имело смысла. По-видимому, гостиница «Джackson» была лучшей, а может быть, и единственной в Суомпвилле, и я не раздумывая спешил у двери.

Хорошо зная обычаи Запада и поэтому не рассчитывая ни на услуги, ни на приветливое обращение, я сам расседлал своего арабского скакуна, тем более что боялся отдать его в чужие, неумелые руки. Почистить его мне помог полуголый негр, который все время улыбался и таращил глаза на мой мундир – очевидно, для него это было редкое зрелище.

⁵ Джексон (1767–1845) – американский военный и политический деятель, начавший свою карьеру в штате Теннесси. Был президентом США с 1829 по 1837 год.

Глава XI. Гостиница «Джексон»

Оказалось, что я прибыл как раз вовремя, так как, возвращаясь из конюшни и входя на веранду гостиницы, я услышал удары гонга, извещавшие постояльцев, что ужин подан. Никто не обратил на меня никакого внимания. Следуя за остальными постояльцами, прибывшими ранее меня, я сел за общий стол.

Если бы картину, представшую передо мною, я увидел впервые, многое удивило бы меня и дало бы пищу для размышлений. Но я давно уже привык к самым смешанным компаниям, вроде той разношерстной толпы, которая сидела теперь за столом суомпвиллской гостиницы. Тут были люди в одежде из бумазеи и даже из одеял, в красных фланелевых рубашках, в куртках из оленьей кожи и вовсе без курток. И все это не казалось мне странным, так же как и то, что среди этих фантастических нарядов там и сям виднелись модные костюмы из тончайшего сукна. И надо сказать, что люди, одетые в атласные и бархатные жилеты и элегантные черные сюртуки, составляли большинство. В новых поселениях гостиница является местом, где столуются и проводят свой досуг преуспевающие лавочники и мелкие чиновники, спать же они уходят в свои лавки и конторы.

Оглядев всех сидящих за столом, я увидел много знакомых типов, но ни одного знакомого лица. Тем не менее одно из них привлекло мое внимание, и я никак не мог оторвать от него взгляда. Не думайте, что оно принадлежало какой-нибудь красавице, хотя за столом были и женщины: супруга хозяина гостиницы восседала за кофейником, а рядом с ней сидели четыре молодые девушки – ее дочери и племянницы. Однако ни одна из них не обладала ни малейшей привлекательностью. Нет, лицо, столь заинтересовавшее меня, принадлежало не женщине, и ничего женственного в нем не было. Обладателем его был молодой человек лет двадцати четырех – двадцати пяти, одетый так, как обычно одеваются местные охотники: в куртку из оленьей кожи, кожаные брюки, суконные обмотки и мокасины. Через плечо у него висела сумка для пуль и пороховой рог, а на поясе – нож. На соседней стене висела его енотовая шапка – я увидел, как он снял ее перед тем, как сесть за стол.

Полуголый негр все время улыбался и таращил глаза на мой мундир

Молодой человек был необыкновенно красив. С первого же взгляда меня поразила его великолепная фигура, благородное, одухотворенное лицо и прекрасные карие глаза с длинными ресницами. Тонкие дугообразные брови, густые каштановые кудри и небольшой, правильно очерченный рот с белыми, ровными зубами создавали поистине безупречный образец

мужской красоты. Мне сразу бросилось в глаза, что молодой красавец весьма мало занимается своей наружностью. По-видимому, он и не подозревал о том, до какой степени хорош собой, и это делало его еще более привлекательным.

Трудно сказать, что именно в молодом охотнике остановило на себе мое внимание, так как костюм его для здешних мест был самым обычным. Пожалуй, меня заинтересовала не столько его живописная одежда или красота, сколько манера держать себя.

Мы оба сидели в самом конце стола, друг против друга, и поэтому у меня была полная возможность наблюдать за ним.

По взглядам, которые бросали на него сидевшие на противоположном конце стола дочери хозяина – мисс Альвина и мисс Каролина, – я понял, что обе барышни не остались нечувствительными к его красоте. Но молодой охотник не обращал на них никакого внимания. Он был задумчив и очень грустен. Не замечал он и нахмуренных лиц нескольких щеголей-лавочников, по-видимому, ревновавших девиц, чьи томные взгляды не ускользнули от их внимания.

Молодого охотника здесь знали, но друзей среди присутствующих у него, по-видимому, не было. Я заметил, что большинство мужчин, особенно джентльмены в сюртуках, смотрели на него свысока. С ним много не разговаривали, да его сдержанность и не располагала к этому. Если же кто-нибудь из сидевших за столом и обращался к нему, то делал это с видом богатого человека, удостаивающего своим вниманием бедняка. Действительно, нетрудно было заметить, что охотничья куртка, когда-то красивая, сильно поношена, а зеленые суконные обмотки выцвели и стали почти бурыми. Все это в совокупности с другими мелочами указывало на то, что кошелек молодого охотника весьма легок; во всяком случае, легче, чем его настроение, которое, судя по выражению лица, было весьма грустным.

И все-таки он возбуждал всеобщий интерес, и к нему, несомненно, были бы прикованы все взоры, и дружелюбные и враждебные, если бы не мой мундир и золотые пуговицы с орлами. Они также требовали некоторой доли внимания со стороны жителей Суомпвилла. Вот почему любопытные взгляды присутствующих были устремлены не только на молодого красавца, но и на меня. Не знаю, что они думали обо мне, да, впрочем, это меня мало заботило, но, судя по взглядам мужчин, особенно богатых, мне показалось, что моя особа не вызывала в них ни восхищения, ни симпатии.

Я было самонадеянно решил, что мисс Альвина и ее визави мисс Каролина посматривают на меня довольно благосклонно, но, взглянув на красивое лицо и роскошные кудри молодого охотника, понял, что, имея такого соперника, нет смысла начинать сражение. Правда, мы друг другу не завидовали. Наоборот, он был со мною вежливее всех присутствующих и раза два пододвинул поближе некоторые наиболее соблазнительные на вид кушанья, стоявшие далеко от меня. Я почувствовал невольную симпатию к нему, и мне показалось, что он отвечает мне тем же. Охотник видел, что я приезжий, и, несомненно, заметил, что мой «блестящий» мундир сильно поношен. Он догадался, что я так же беден, как и он сам, и его симпатия была скорее всего вызвана таким предположением.

Глава XII. Полковник Кипп

После ужина я подошел к хозяину гостиницы. Как я уже успел установить, фамилия этого почтенного джентльмена была Кипп. Постояльцы же называли его «полковник Кипп».

Мне хотелось получить некоторые сведения о местонахождении моей будущей усадьбы и узнать все, что было известно о ней в Суомпвилле. Я был уверен, что хозяин гостиницы сможет ответить на мои вопросы.

Я нашел его на веранде. Он сидел в кресле-качалке, и ноги его, покоившиеся на перилах веранды, находились дюймов на шесть выше уровня носа, а огромные сапоги из лошадиной кожи почти на полтора фута высовывались на улицу.

Внешность этого человека никак не гармонировала с громким званием «полковника». В ней не было ничего военного. Он был высок, кособок, постоянно жевал табак и каждые полминуты выплевывал густой коричневый сок, посылая его чрезвычайно ловко поверх своих сапог, не задевая их. Когда я подошел к полковнику, он был окружен только что окончившими ужин постояльцами, которые молча ковыряли в зубах зубочистками. Затем они стали расходиться, и я решил начать разговор, когда хозяин останется один. Сначала он не обратил на меня ни малейшего внимания, и, только когда я оказался настолько близко, что уже нельзя было сомневаться в моем намерении заговорить с ним, хозяин гостиницы оглянулся в мою сторону. Повернувшись вполоборота, он снял ноги с перил веранды, но по-прежнему остался сидеть в кресле.

– Служите в армии, сэр, я полагаю? – спросил мистер Кипп.

– Нет, – ответил я столь же лаконично.

– Нет?

– Служил, но недавно вышел в отставку.

– А-а! Воевали в Мексике?

– Да.

– Дела в Суомпвилле?

– Да, мистер Кипп...

– Меня тут обычно зовут полковником... – перебил он, снисходительно улыбаясь и всем своим видом как бы протестуя против насильно навязанного ему звания. – Конечно, – продолжал он, – вы приезжий...

– Извините, полковник, я действительно только что прибыл в ваш город и, конечно, не знал, что...

– Чего там, сэр, – снова прервал он меня добродушно, очевидно, польщенный моим почтительным тоном и тем, что я вежливо назвал Суомпвилл городом.

– Так вы, значит, у нас по делам?

– Да, – ответил я, чувствуя, что он собирается начать расспросы об этих делах. Не желая посвящать его в них, я поспешно продолжал: – Не знаете ли вы случайно место, называемое вырубкой Холта?

– Место, называемое вырубкой Холта?

– Вот именно.

– Такое место есть.

– Это далеко отсюда?

– Если вы о Хике Холте говорите, так он живет милях в шести отсюда, на Иистой речке.

– Так, значит, там живет скваттер?

– На вырубке Холта? А как же!

– Его фамилия Холт?

– Ну да.

– Вы не знаете, может здесь кто-нибудь проводить меня туда?

– Отчего же? Видите того парня в енотовой шапке? – И полковник кивнул в сторону молодого человека в куртке из оленьей кожи, стоявшего недалеко от веранды возле тощей клячи.

Я ответил утвердительно.

– Ну, так вот он и может указать вам дорогу к вырубке Холта. Он сам скваттер с Иистой речки и как раз возвращается домой.

Я очень обрадовался его словам. Если молодой охотник жил около моего участка, он, по всей вероятности, мог дать мне о нем все необходимые сведения. И, судя по его честному, открытому лицу, на его слова можно было положиться. Поэтому я тотчас же решил изменить намеченный ранее план действий. Было еще рано – в лесной глуши ужинают в то время, когда в более цивилизованных местах еще пьют чай, – и солнце должно было сесть только часа через два. Моя лошадь была свежа, и ей ничего не стоило сделать еще шесть миль. Я отказался от намерения ночевать в гостинице и решил: если молодой охотник не будет возражать, ехать с ним до Иистой речки, не задумываясь, найду ли я там где переночевать. К задней луке моего седла был привьючен плащ; он неоднократно служил мне одеялом, а само седло – подушкой. Сколько раз мне приходилось ночевать под открытым небом в дождь и бурю, покрываясь этим плащом! А в тот день небо было безоблачно и ничто не предвещало непогоды. Я уже повернулся, чтобы подойти к молодому человеку, но меня остановил мистер Кипп.

– А ведь вы еще не сказали мне, зачем приехали в Суомпвилл, – как бы в шутку напомнил он.

– Нет, не сказал, – ответил я учтиво.

– Так зачем вы едете к Холту?

– Это, мистер Кипп... прошу прощения – полковник Кипп, мое личное дело.

– Личное и секретное?

– Весьма.

– Ну, тогда держите его при себе.

– Как раз таково мое намерение, – ответил я, поворачиваясь и спускаясь с веранды.

Молодой охотник уже затягивал подпругу. Подойдя к нему, я увидел по его улыбке, что он слышал конец нашего разговора, и, по-видимому, остался очень доволен тем, как я вежливо осадил «полковника», который, как я потом узнал, был самым хвастливым и заносчивым человеком в Суомпвилле.

Одного моего слова было достаточно, чтобы молодой охотник тотчас же разрешил мне ехать с ним. Он охотно, хотя и не в изысканно литературных выражениях, согласился показать мне дорогу к вырубке Холта.

Я вернулся в гостиницу, чтобы заплатить по счету и приказать оседлать своего коня. Было совершенно ясно, что хозяин обиделся на меня. Я это понял как по сумме счета, так и по тому, что мне пришлось самому седлать своего коня, так как даже негр не появился в конюшне.

Но мне так часто случалось это делать, что такая мелкая неприятность нисколько меня не задела и не раздосадовала. Через пять минут я уже был в седле и выехал на улицу, где меня ожидал мой спутник. Мы покинули негостеприимный кров гостиницы «Джексон» и оставили ее воинственного хозяина на веранде ломать голову, какое дело могло привести меня в Суомпвилл.

Глава XIII. Через лес

Когда мы ехали по улице, я заметил, что являюсь предметом оживленных толков и пересудов жителей Суомпвилла. Они с жадным любопытством рассматривали меня из окон или стоя кучками у дверей своих домов. Вряд ли мой спутник мог вызвать такой интерес. Охотничья куртка из оленьей кожи не была редкостью на улицах Суомпвилла, но зато военный в мундире с золотыми пуговицами и верхом на прекрасной лошади был необычайным зрелищем. Особенное восхищение вызывал мой конь, который гарцевал подо мной так, как будто не выходил из конюшни целую неделю.

Однако через пять минут и Суомпвилл и его жители остались позади. За этот короткий промежуток времени мы миновали окраину «города» и въехали в густой темный лес. Его прохладный полумрак скрыл нас и от взглядов любопытных зевак, и от жгучих лучей солнца. Не знаю, как мой спутник, но я был этим очень доволен.

В течение нескольких минут мы ехали молча, молодой охотник впереди, а я за ним. Подобный способ передвижения объяснялся характером дороги. Это была попросту выючная тропа, петляющая меж деревьев, зарубки на которых указывали направление пути. Ни одна повозка не оставила следа на мягкой грязи, в которой лошади вязли до самых бабок. Так как два всадника не могли здесь проехать рядом, мне пришлось держаться позади моего проводника.

Добрую милю, а может быть, и больше мы ехали по топкой низине, где росли влаголюбивые деревья – огромные тополя и сикоморы. Их стройные серые стволы, возвышаясь по обе стороны тропы густыми, порой совершенно правильными рядами, напоминали колонны величественного храма. Я с тайной радостью глядел на этих лесных великанов, с которыми мне предстояло делить мое одиночество. В то же время я невольно подумал о том, что, если мои новые владения заросли так же густо и такими же огромными деревьями, вряд ли мистер Холт мог расчистить большой участок.

Немного дальше начался подъем. Низина осталась позади – мы пересекали водораздел между Илистой речкой и рекой Обайон. Почва стала сухой, каменистой и менее плодородной. Тут рос редкий сосновый лес, и мы наконец смогли ехать рядом. Я был очень доволен, потому что хотел поговорить со своим новым знакомым.

Всю дорогу охотник хранил глубокое молчание, но все же мне казалось, что он тоже не прочь поболтать со мной. Видимо, он из деликатности не решался заговорить первым. Я вывел его из этого затруднения, задав ему следующий вопрос:

- Что за человек этот мистер Холт?
- Как вам сказать, сэр. Он из тех, с кем, как говорится, лучше не связываться.
- Неужели?
- Да, с ним трудно иметь дело.
- Он беден?
- Уж куда бедней. У него только и есть, что старая кляча и акра два земли. Да и та не его.
- Так, значит, он не покупал участка, на котором живет?
- Покупать-то не покупал, сэр, да считает его своим, как будто платил за него наличными, как я за свой.
- Вот как!
- Да. Я бы не позавидовал тому, кто купит эту землю у него за спиной, – сказал он и многозначительно посмотрел на меня, словно спрашивая: «Не это ли дело привело вас сюда?»
- А семья у него есть? – продолжал я.
- Есть... дочка.
- И больше никого? – спросил я, увидев, что он замаялся.

- Была еще одна дочь, немного постарше...
- И что с ней случилось?
- Она... она уехала.
- Вышла замуж, по-видимому?
- Здесь никто ничего не знает. Даже куда она уехала.

Голос молодого человека вдруг стал печальным. Я заметил, что лицо его омрачилось. Мне сразу стала понятна причина этой грусти: резкая перемена в настроении молодого охотника была, несомненно, вызвана разговором об уехавшей дочери скваттера. Из чувства деликатности я не расспрашивал его дальше, к тому же тропа снова сузилась и мы опять были вынуждены ехать гуськом. Охотник стал нетерпеливо понукать свою лошадь, и я почувствовал, что ему хочется прекратить разговор, по всей вероятности, вызвавший горькие воспоминания. В течение получаса мы ехали в полном молчании. Мой спутник вновь погрузился в раздумье, а я старался представить себе встречу со скваттером. После разговора с охотником не приходилось сомневаться в том, что она будет чрезвычайно неприятной. Нечего было надеяться, что Холт примет меня приветливо и позволит переночевать в его хижине. По-видимому, мне предстоял малоприятный разговор и ночевка в лесу. Раза два я чуть было не рассказал моему спутнику о деле, приведшем меня в Суомпвилл, и не спросил у него совета, как мне поступить. Но, не зная, друг он или враг моего предполагаемого противника, я решил, что разумнее будет промолчать.

Вдруг молодой охотник снова заговорил, уже более веселым тоном. Он сказал, что скоро дорога улучшится, так как мы приближаемся к лесной поляне, за которой тропа достаточно широка, чтобы ехать рядом. Едва мой спутник кончил говорить, как мы выехали на эту поляну. Контраст между нею и оставшейся за нами темной тропинкой был разителен и производил самое приятное впечатление. К этому времени полная луна поднялась уже высоко над лесом и заливала своим сиянием все вокруг. Осыпанные каплями росы цветы сверкали подобно драгоценным камням; их опьяняющий аромат доносился до нас, когда мы еще ехали лесом. Не было ни ветерка, и неподвижные листья отливали серебром. При ярком лунном свете я мог даже различить их оттенки: листву красного клена – от алого сумака и сассафраса и темную зелень Каролинского лавра – от серебряной магнолии.

Эта великолепная картина открылась мне еще с тропинки, и я на минуту придержал коня, чтобы насладиться созерцанием ее. Молодой охотник все еще ехал впереди меня. Я хотел было попросить его тоже остановиться, но не успел вымолвить и слова, как увидел, что он сделал это сам, причем настолько поспешно и неловко, что я невольно перестал любоваться поляной и посмотрел на него. Резким, словно непроизвольным, движением охотник так сильно натянул поводья, что чуть было не поднял свою лошадь на дыбы. Побледнев, он застыл в седле, словно увидел что-то ужасное. Пришпорив лошадь, я в одно мгновение поравнялся с ним и окинул взглядом поляну.

Несколько правее пересекающей ее тропинки, там, куда был устремлен взгляд охотника, я заметил на траве что-то белое. Это было упавшее дерево. Его лишенный коры ствол ярко блестел в лучах луны. В двух шагах от него виднелась темная фигура. На поляне было достаточно светло, и я без труда различил, что это женщина.

Глава XIV. Су-ва-ни

Да, это, без сомнения, была женщина, и, судя по легким и быстрым движениям, молодая. Ее костюм был необычен – коричневая рубаха из кожи лани, кожаные чулки и мокасины. Голова была непокрыта, руки и шея обнажены. Ее кожа казалась немного темнее одежды. Значит, перед нами была индианка. На это указывали и многочисленные браслеты на руках, блестящие бусы вокруг шеи и массивные, сверкающие при свете луны кольца в ушах.

Побледнев, он застыл в седле, словно увидел что-то ужасное

Я остановил лошадь и увидел, что незнакомка быстро идет к нам. Кляча охотника и мой конь насторожили уши и испуганно захрапели. Вероятно, им передалось волнение всадников. Впрочем, то, что я испытывал, было скорее изумление. Появление женщины в таком месте и в

такой час могло поразить кого угодно, но я видел, что моим спутником овладело совершенно иное чувство. На его лице был страх!

«Чего он испугался?» – подумал я, глядя на приближавшуюся женщину. На мой взгляд, в ней не было ничего, что могло бы напугать лошадь или человека, а тем более внушить ужас, так ясно написанный на лице моего спутника. Хотя, как уже говорилось, ее кожа была бронзового цвета, но черты лица, хотя и не безупречно правильные, могли скорее вызвать восхищение. Особенно хороши были большие глаза, блеск которых соперничал со сверканием ее позолоченных серег. Нет, по всей вероятности, не внешность девушки испугала моего проводника. Очевидно, он не впервые встречался с индианкой. Она была высока, сильна и могла бы внушить страх робкому человеку, если бы захотела. Но я не замечал ничего враждебного в ее поведении, да и мой спутник не казался трусом. Здесь, видимо, крылась какая-то тайна.

Шагах в шести от нас индианка остановилась, словно не решаясь подойти ближе. До сих пор она не проронила ни единого слова, так же как и охотник, если не считать его невольного восклицания, когда он ее заметил: она здесь, и в такое время?

Теперь охотник спросил слегка дрожащим голосом:

– Су-ва-ни?

По-видимому, это было ее имя, но она ничего не ответила.

– Су-ва-ни! – повторил мой спутник громче. – Это ты?

– Разве Белый Орел лишился зрения, любуясь на бледнолицых красавиц Суомпвилла?

На небе луна, и лицо Су-ва-ни повернуто к ней. Пусть Белый Орел взглянет на него. Оно не так красиво, как лицо метиски, но того лица Белый Орел никогда больше не увидит.

Я заметил, что слова ее произвели впечатление на молодого охотника. Он нахмурился и вздохнул; видно было, что ему хочется прекратить этот разговор.

– Уже поздно, – проговорил он после короткого молчания. – Зачем ты сюда пришла?

– Су-ва-ни пришла не зря. Она ждет Белого Орла уже много часов. Нежные руки бледнолицых девушек очень надолго задержали его в Суомпвилле.

– Ты меня ждала? Что тебе надо?

– Пусть Белый Орел попросит незнакомца отъехать в сторону. Су-ва-ни хочет говорить с Белым Орлом наедине.

– Ты можешь говорить при нем. Это мой друг.

– Разве Белый Орел хочет, чтобы знали его тайны? Не все из них можно рассказать даже другу. Су-ва-ни может открыть Белому Орлу еще одну тайну. Когда он ее узнает, его щеки станут алыми, как цветы красного клена.

– У меня нет никаких тайн, которые надо скрывать от других.

– А метиска?

– Я не хочу слышать о ней.

– Белый Орел лжет. Он очень хочет знать, что стало с пропавшей Мэриен. Су-ва-ни может рассказать ему о ней.

При последних словах поведение охотника внезапно изменилось. Теперь он порывисто наклонился вперед, как будто страстно желал услышать то, что она собиралась сообщить. Заметив это, индианка вновь указала на меня и спросила:

– Должен ли бледнолицый незнакомец знать сердечные тайны Белого Орла?

Мне показалось, что мой спутник уже не хочет, чтобы при их разговоре кто-нибудь присутствовал. Не ожидая его ответа, я повернул лошадь, намереваясь отъехать назад, и увидел при этом его лицо, которое по-прежнему выражало испуг. Я не ошибся – когда я проезжал мимо, он наклонился и шепнул озабоченно:

– Не отъезжайте далеко, сэр. Я ей не доверяю. Она на все способна.

Я кивнул и, вернувшись на тропинку, остановился в тени огромного дерева.

Я находился шагах в десяти от охотника и хорошо видел его, но поросль белой магнолии заслоняла от меня индианку, в то же самое время скрывая от нее меня и мою лошадь. Стрекотание цикад заглушало разговор, но отдельные слова вполне отчетливо долетали до меня, и благодаря им я понял, о чем идет речь. Я хотел было отъехать дальше, но, вспомнив странную просьбу молодого охотника, остался на месте.

С первых же слов я догадался, что они говорят о Мэриен Холт, старшей дочери скваттера, о которой я уже слышал от моего спутника, и легко понял эту часть разговора, а также и то, что Мэриен – возлюбленная охотника, или, вернее, была его возлюбленной до того, как покинула этот край. Несколько месяцев назад она не то уехала, не то кто-то ее увез, – словом, девушка исчезла самым таинственным образом, не оставив никаких следов. Кроме того, я узнал, что прекрасная Мэриен вышла замуж, причем за очень странного человека. Индианка говорила о нем с презрением. Его фамилия, насколько я мог разобрать, была не то Стивенс, не то Стеббинс, и прежде он был школьным учителем в Суомпвилле.

Пока индианка разговаривала с охотником, я не спускал с него глаз и заметил, что он ничего не знал об этом браке. Он побледнел и пошатнулся в седле. Но, очевидно, он все же что-то подозревал, потому что, услышав фамилию мужа, воскликнул сдавленным голосом:

– О боже! Я так и думал, что это он увез Мэриен! Бедняжка!..

Помолчав немного, охотник продолжал:

– Скажи мне, куда они уехали? Ты ведь сказала, что знаешь все.

Пронзительное стрекотание цикад заглушило ответ. До меня долетели лишь отдельные громко произнесенные слова «Юта» и «Большое Соленое озеро». Но этого было вполне достаточно.

– Еще одно, – нерешительно сказал отвергнутый возлюбленный. – Ты не знаешь... она поехала с ним добровольно или... или ее силой принудил отец... или кто-нибудь другой?

Я с нетерпением ждал ответа. Цикады умолкли, но молчала и индианка.

– Ответь мне, Су-ва-ни! – с мольбой в голосе повторил молодой охотник. – Скажи мне это, и я обещаю...

– Обещает ли мне Белый Орел забыть девушку, потерянную для него навеки?

– Нет, Су-ва-ни, этого я обещать не могу. Я никогда не забуду ее.

– Можно не забывать, но ненавидеть.

– Ненавидеть Мэриен? Нет, нет!

– Даже если она изменила своим клятвам?

– Откуда я знаю, что это так? Ты же не говоришь, сама она согласилась уехать или ее заставили?

– Белый Орел сейчас узнает все. Его кроткая лань добровольно пошла в логово волка. Повторяю тебе – добровольно. Су-ва-ни может доказать это.

Удар был настолько силен, что охотник вздрогнул и покачнулся в седле. Смертельная бледность покрыла его лицо, в глазах застыло отчаяние.

– Теперь, – продолжала индианка, словно желая воспользоваться его растерянностью, – обещает ли Белый Орел больше не вздыхать об изменнице? Обещает ли он любить ту, которая будет ему верна?

В голосе девушки вдруг прозвучала горячая мольба. Теперь наступила ее очередь ждать с нетерпением ответа. Но этот ответ глубоко ранил ее гордое сердце и развеял в прах сокровенные мечты.

– Нет, нет! – воскликнул охотник в смятении. – Невозможно ни забыть, ни разлюбить Мэриен. Пусть даже она мне изменила... Все равно слишком поздно! Я никогда не полюблю другую!

Послышался приглушенный, полный отчаяния крик, упреки и угрозы, произнесенные на индейском наречии и потому для меня непонятные. В тот же миг я увидел, что молодой охот-

ник сильно натянул поводья и осадил лошадь, словно желая объехать индианку и двинуться дальше. Я решил, что мне пора вмешаться, пришпорил коня и рысью выехал на поляну. К моему величайшему удивлению, я увидел, что охотник один. Су-ва-ни исчезла!

Глава XV. Чистосердечное признание

– Где она? Ушла? – удивленно спросил я, оглядываясь.

– Да, ушла! Ушла! И с кем? С мормоном!

– С мормоном?

– Да, сэр. Прости ей бог! Мне было бы легче услышать о ее смерти, чем знать, что она вышла замуж за мормона, у которого кроме нее может оказаться еще двадцать жен.

– Разве с ней был какой-нибудь мужчина? Я никого не видел.

– Ах, сэр, извините меня. Вы имеете в виду эту индианку, а я говорил не о ней.

– О ком же?

Молодой охотник смутился. Не подозревая, что мне известна тайна его сердца, он понял, что я заметил его волнение, но сказать мне имя той, о ком он думал, значило открыть самые заветные тайны своей души. После короткого колебания он поборол смущение и ответил:

– Не знаю почему, сэр, но я чувствую к вам доверие. И отчего бы мне не рассказать вам все, что произошло? Глупо, конечно, влюбляться в красивую девушку, но если бы вы ее видели!

– Судя по вашим словам, она действительно красавица, – сказал я не совсем искренне. – Что же касается того, что глупо влюбляться в хорошеньких девушек, то никто из нас не застрахован от этой маленькой слабости.

– Приходится только пожалеть об этом, сэр. Но поздно! Какой смысл запираť конюшню, когда коня уже украли? Она уехала, и все кончено. Наверное, никогда в жизни я ее больше не увижу, – грустно сказал он.

Эти слова сопровождались тяжелым вздохом, и я понял, что передо мной человек, искренне любящий и сильно страдающий.

«Вероятно, – подумал я, – дело объясняется просто. Молодой охотник беден, а школьный учитель немного зажиточнее. Во всяком случае, настолько, чтобы практичная красотка предпочла его».

– Но вы еще не сказали мне, – обратился я к моему спутнику, – кто ваша возлюбленная. Раз это не индейская девица, с которой вы только что расстались...

– Нет, сэр, не она, хотя в той, кого я люблю, тоже есть индейская кровь, поэтому Су-вани и назвала ее метиской. Но это неправда. У нее мать была метиска.

– Как же зовут вашу любимую?

– Ее звали Мэриен Холт. Теперь ее зовут Мэриен Стеббинс. Я только сейчас узнал, что она вышла замуж.

– Нельзя сказать, что ее новая фамилия благозвучнее, – заметил я.

– Она дочь скваттера Холта, – продолжал охотник, – того самого, к которому вы едете. У него есть еще одна дочь, помоложе, ее зовут Лилиен.

– Красивое имя. Так вы говорите, что старшая хороша собой?

– Я никогда никого красивее не видел.

– А младшая похожа на нее?

– Как белка на енота.

– Значит, младшая некрасива?

– Ну, это зависит от вкуса. Многим Лилиен нравится больше. Но не мне. Кроме того, Лил совсем девочка. Ей еще и семнадцати нет.

– Но, если она тоже хороша собой, почему бы вам не влюбиться в нее? В Мексике, где я недавно был, есть хорошая пословица: «Un clavo saca otro clavo», что в переводе означает: «Клин клином вышибают». Иными словами, от любви есть лекарство: другая любовь.

– Ах, сэр, – вздохнул охотник, – это, может быть, годится для Мексики, в наших же лесах есть другая пословица, противоположная ей: «Два медведя в один капкан не попадают».

– Ха-ха-ха! – рассмеялся я. – Пословица ваших лесных дебрей, пожалуй, правильнее и больше мне по душе. Но вы не рассказали еще, что же случилось у вас с Мэриен. Вы говорите, она уехала отсюда?

– Сейчас все узнаете, сэр.

Охотник начал свой печальный рассказ, а я время от времени прерывал его вопросами, хотя многое уже знал, а об остальном догадывался. Он был влюблен в Мэриен Холт и думал, что она отвечает ему взаимностью. Они часто встречались в лесу, на той самой поляне, где мы теперь находились. Холт ничего не знал об их свиданиях. Он недолюбливал охотника, и, опасаясь его гнева, молодые люди скрывали от него свои чувства.

Таков был пролог рассказа моего спутника. Эпилог же я передаю его собственными словами.

– Это случилось как-то утром месяцев пять назад. Мэриен обещала встретиться здесь со мной, и я ожидал ее, сидя вон на том бревне. Через поляну прошли двое индейцев и с ними девушка, которую вы сейчас видели. Она несла продавать красивую сумку для пуля. Я ее купил. Индианка захотела сама надеть ее на меня, и тут черт меня дернул ее поцеловать. И как раз в эту минуту выходит на поляну Мэриен! Я поцеловал индианку шутя, а Мэриен приняла это всерьез. Она и раньше меня ею попрекала, потому что девчонка и правда недурна собой. Я хотел попросить у Мэриен прощенья, но она не стала меня слушать и ушла. Больше я ее не видел. А сейчас индианка сказала мне, что Мэриен вышла замуж и уехала к мормонам. Кто-то из индейцев видел ее в прерии и рассказал об этом Су-ва-ни.

– А что было дальше с индианкой?

– Ах, сэр! – снова вздохнул охотник. – Вот это еще одна беда, которую я навлек своим легкомыслием. С того самого дня, как я ее поцеловал, она пристает ко мне и всюду меня преследует. Я все время встречаю ее в лесу. Она пришла бы в мою хижину, если бы не собаки, которые могут разорвать ее на куски. Их она боится больше, чем меня, несмотря на все мои угрозы. Я сердился на нее за Мэриен, хотя сам был виноват больше, старался избегать ее и долго с ней не разговаривал. Она разозлилась и грозила отомстить. Однажды ночью я ехал из Суомпвилла, как раз в такое же время, как сейчас, – только тогда было темно, как в горшке с дегтем. Я выехал сюда, на поляну, как вдруг моя старая кляча рванулась вперед, и меня сзади что-то сильно кольнуло. Кто-то ударил меня ножом чуть повыше бедра, и кровь так и потекла ручьем. Я узнал, кто это сделал, только утром, когда вернулся и нашел здесь следы мокасин.

– Следы Су-ва-ни?

– Конечно. Мне они хорошо известны. Я не раз видел их на берегу Илстой реки.

– Вы приняли какие-нибудь меры, чтобы наказать ее?

– Нет... не принял.

– Почему же? Я думаю, было бы благоразумнее это сделать, хотя бы для того, чтобы подобные нападения больше не повторялись.

– Сказать по правде, мне было стыдно. Поступи так мужчина, я бы, конечно, отплатил ему. Но все говорят, что девушка влюблена в меня, – конечно, по-своему, на индейский лад, – и мне не хочется ей мстить. Да и, кроме того, я сам во всем виноват: не надо мне было шутить с ней.

– И вы полагаете, что она перестанет преследовать вас?

– Не знаю. Особенно после того, что случилось сейчас. Су-ва-ни опять грозила мне уходя. Я было решил, что она уже не думает о мести, ведь она знает, что мне все известно. Я сам сказал ей об этом при первой же встрече. Она вроде как бы обрадовалась, что я не донес на нее в полицию. Она сказала, что Белый Орел – так называют меня люди ее племени; их тут еще осталось несколько человек – великодушен. Она вроде как обещала, что не будет больше меня беспокоить, но я ей не очень верю. Вот почему, сэр, я просил вас не отъезжать далеко.

– По-моему, вам следует быть начеку. Видимо, эта индианка довольно вспыльчивая девица, и, судя по вашему рассказу, от нее можно всего ожидать. И, кроме того, она чрезвычайно странно проявляет свою любовь к вам. Конечно, вы дали ей повод.

– Что правда, то правда, сэр.

– Однако это недостаточное оправдание для ее поведения. Я вижу, вы несчастливы в любви. Одна любит вас чересчур пылко, а другая, по-видимому, недостаточно. Но как же вы не постарались увидеть ее еще раз? Я имею в виду Мэриен.

– Видите ли, я не в очень хороших отношениях с Хиком Холтом, и мне было неловко пойти к нему. Кроме того, я решил держаться подальше от Мэриен, пока она не успокоится и не поймет, что я только шутил с индианкой.

– Вполне естественно.

– А через две недели я узнал, что она уехала. Я ни от кого не мог добиться, почему. Никто не знал, зачем и куда. Это было известно только Холту, а он умеет держать язык за зубами. Теперь я это знаю, и мне легче было бы услышать, что она умерла.

Охотник тяжело вздохнул, и я понял, что его грустный рассказ окончен.

Я ничего не сказал, так как видел, что моему спутнику сейчас слишком тяжело продолжать этот разговор, и мы молча поехали по тропе через поляну.

Перед тем как снова углубиться в лес, охотник вдруг остановил свою лошадь и устремил пристальный взгляд на противоположную сторону поляны. На что он смотрел? Нигде не было ничего примечательного. Но последовавшие за тяжким вздохом слова объяснили мне его странное поведение.

– Там, – воскликнул он, указывая на место, где тропинка выходила из леса, – там я в последний раз видел Мэриен!

Глава XVI. Тревожные перспективы

На протяжении первой полумили после поляны тропинка была настолько широка, что мы снова могли ехать рядом. Но, несмотря на это, никто из нас не проронил ни слова. После встречи с индианкой мой спутник стал еще более печальным. Он ехал, опустив голову на грудь, и, казалось, не замечал, ни где он находится, ни куда он едет. Я молчал, зная, как бесполезны в таких случаях утешения.

У меня самого мысли были невеселые. Правда, сердце мое было свободно и я не терзался любовными муками, но будущее рисовалось мне в довольно мрачных красках. То, что я узнал о скваттере Холте, не могло не обеспокоить меня. Несколько раз я порывался рассказать охотнику о своем деле.

«Почему бы мне этого не сделать? – думал я. – Как искренне и честно он доверил мне свою печальную и самую сокровенную сердечную тайну! Почему бы мне не ответить ему доверием на доверие, тем более что моя тайна далеко не так важна?»

Я уже упоминал, почему я не сделал этого раньше. Теперь я уже не сомневался, что он будет скорее моим союзником. Во всяком случае, я был уверен, что могу рассчитывать хотя бы на дружеский совет, который был бы для меня очень ценен. Я уже собрался сказать ему о цели моего приезда и просить его помощи, когда он вдруг остановил лошадь и повернулся ко мне. Я тоже придержал коня.

– Дорога здесь разветвляется, – сказал он. – Левая тропинка ведет к вырубке Холта, а правая – к моей хижине.

– В таком случае позвольте мне поблагодарить вас за любезную услугу и попрощаться с вами, – ответил я.

– Нет, сэр, погодите прощаться. Я провожу вас до места, откуда видна хижина Холта. Проводить вас до самого дома мне неудобно – я уже говорил вам, что мы с ним не в ладах.

– Но я не могу допустить, чтобы вы делали крюк, особенно в столь поздний час. Я сам немного слепопыт и как-нибудь найду дорогу.

– Нет, сэр! Тут есть места, где тропинка прерывается. Вы можете заблудиться. Она проходит в такой глухой чаще, что туда не проникает даже свет луны. Кроме того, это место опасное, потому что рядом большое болото. А поздний час меня не пугает – я, бывает, ложусь еще позднее. От хижины скваттера есть другая дорога – вдоль ручья, – по которой можно проехать к моему дому. Но я остановился не для того, чтобы попрощаться с вами.

«Для чего же?» – подумал я, стараясь понять, с какой целью он начал разговор.

– Вы не обидитесь, – продолжал охотник другим тоном, – если я вам задам один вопрос?

– Конечно нет.

– Вы уверены, что сможете переночевать у Холта?

– Сказать по правде, нет. Но это неважно. Со мной мой старый плащ и седло. Спать под открытым небом мне приходилось сотни раз, так что это будет не впервые.

– Я вас спрашиваю вот почему. Если вас не приютит Холт, то в моей хижине для вас найдется медвежья шкура, если вы ею не побрезгаете.

– Вы очень добры, и, возможно, мне придется воспользоваться вашей любезностью. Должен сказать, я не очень рассчитываю на ласковый прием у вашего соседа.

– Да?... Но...

Тут мой спутник замялся, как бы размышляя и словно не решаясь меня о чем-то спросить.

– Мне очень неудобно, – продолжал он после небольшой паузы, – но я хотел бы задать вам еще один вопрос, который все время вертится у меня на языке.

– Я буду рад ответить на любой вопрос, который вы найдете нужным мне задать.

– Если бы не ваше разрешение, я никогда не осмелился бы на это. Вас об этом уже спрашивали сегодня вечером, и я слышал, как вы ответили.

– Что за вопрос вы имеете в виду?

– По какому делу вы хотите видеть Хика Холта? Можете быть уверены, сэр, что я спрашиваю не из любопытства.

– Расскажу вам все с удовольствием. Более того: я сам собирался посвятить вас в свои дела, прежде чем расстаться, и хотел заодно просить вашего совета.

И без дальнейших предисловий я рассказал охотнику, зачем еду на Илистую речку. Он выслушал меня, ни разу не перебив. По выражению его лица я понял, что у меня очень мало шансов на миролюбивое соглашение со скваттером.

– Знаете, – сказал он, когда я кончил свой рассказ, – я догадывался, что вы приехали сюда за этим. Вот почему я и сказал вам, что я не стал бы покупать эту землю у него за спиной.

– Почему? – возразил я не без некоторого беспокойства, вспомнив, что говорил мой нэшвиллский друг о щекотливом «праве первой покупки».

– Видите ли, сэр, я уже говорил вам, что с Холтом лучше не связываться, особенно в таком деле.

– Вы имеете в виду его право первой покупки?

– Нет, я говорю не о том. Холт не собирается ни предъявлять свои права, ни покупать землю по той причине, что у него нет за душой ни гроша.

– На что же он живет?

– На то же, на что и я. В наших местах очень много медведей, оленей и другой дичи. Леса полны белок, опоссумов и диких индеек. А если надоест дичь – чего со мной никогда не случается, – можно ловить рыбу. Кроме того, на своей вырубке он выращивает кукурузу.

– Ну, а как же одежда и другие необходимые вещи, которых нельзя найти в лесу?

– Одежду можно достать в Суомпвилле – выменять на шкуры или оленину. Так же и порох, свинец, кофе и табак. Ну, и виски, конечно. Его-то Холт больше всего и любит... Но скажите, сэр, – продолжал охотник, внезапно меняя тон и предмет разговора, – неужели вы поедете к скваттеру по вашему делу сейчас, ночью?

– По-видимому, я действительно выбрал неподходящий час. Об этом я и не подумал.

– Кроме того, – прибавил мой спутник, – есть еще одно обстоятельство. Если Холт не изменил своей привычке, вряд ли он будет любезен с вами в такое позднее время. Я его давно не видел, но думаю, что он так же любит выпить, как и раньше. Ведь Хик не ляжет, не приложившись к бутылке. Десять против одного, что вы его сейчас найдете вдребезги пьяным.

– Действительно, я могу оказаться в весьма неловком положении.

– Вам не следует ехать сейчас к Холту, – продолжал убеждать меня охотник. – Вы можете переночевать у меня, а с восходом солнца отправиться к нему. Утром вам будет легче с ним объясниться. Я, конечно, не могу предоставить вам большие удобства и хороший ужин, но в моем доме всегда есть кусок оленины, найдется и кофе на заварку, и ломоть-другой хлеба. И ваш конь тоже голодным не останется.

– Благодарю вас! – воскликнул я, крепко пожимая его руку. – Я принимаю ваше приглашение.

– Ну, так едем.

Мы свернули направо и, проехав около двух миль, приблизились к поляне, на которой стояла бревенчатая хижина. Это было жилище охотника.

Как оказалось, он жил совершенно один, и шесть огромных собак были единственными живыми существами, разделявшими его одиночество. Они встретили нас радостным лаем. Примитивная конюшня, рассчитанная на одну лошадь, стояла рядом с хижинкой. Она была предоставлена моему скакуну. Свою клячу хозяин пустил в лес ночевать среди деревьев, к чему она уже была приучена.

Эту ночь я провел в маленькой хижине, на медвежьей шкуре. На ужин была холодная оленина, кукурузный хлеб и кофе, а после него – трубка. Но вся эта незатейливая простота более чем скрашивалась искренним радушием моего хозяина – молодого охотника Френка Уингроува.

Глава XVII. Индейское лето

Когда утром, покинув хижину моего гостеприимного хозяина, я отправился дальше по долине Илистой речки, передо мной развернулась восхитительная картина.

Был октябрь, время года, называемое индейским летом, та чудесная пора, когда солнце в последний раз бросает на землю прощальные лучи и деревья, словно вспыхивая от них, загораются красной и желтой листвой.

Но в это время года дремучий лес становится жертвой губительных ураганов. Они проносятся над ним, вырывая деревья с корнями, и на своем пути ломают и сметают все. После них не найти ни ствола, ни пня, ни молодой поросли. Даже могучие лесные исполины не могут устоять против их напора. Безжалостно вырванные из родной почвы, они лежат бесконечными рядами, и земля еще льнет к их обнажившимся корням, а зеленеющие вершины медленно увядают и гибнут. Печальное зрелище представляет собой поверженный лес! Он напоминает громадное поле сражения, на котором сомкнутые ряды солдат все разом полегли от смертоносного залпа картечи, и ни один из них не остался в живых, чтобы позаботиться о телах убитых, похоронить или убрать их. Подобно полю сражения, он становится приютом для волков и других диких зверей. Тут они находят надежное убежище от преследования охотника и его собак. Здесь черная медведица учит своих косолапых детенышей взбираться на древесные стволы. Здесь прячутся рысь и пума и бродит по протоптанной им тропинке енот. Хитрый опоссум осторожно крадется по рухнувшему дереву или спит под перепутанными сухими корнями, а тощий бурый волк надрывно воет или хрипло лает на полночную луну.

Но проходит несколько лет, и эта мрачная картина становится отраднее. Нежный подлесок скрывает скелеты мертвых деревьев, разрастаются кусты и появляются травы, часто совсем иные, чем те, что были здесь прежде. И на месте недавнего запустения все пышно зеленеет и цветет, улаждая и радуя взор. Молодые деревья и кусты, покрывающие теперь землю, выделяются на более темном фоне окружающего леса. Так долго царившее здесь зловещее безмолвие нарушается. Хотя и слышатся еще иногда дикие, пронзительные крики пумы или отдаленный вой волков, но они заглушаются непрерывным пением иволги и алого кардинала, трелью зяблика и звонкоголосых дроздов, слетающих сюда, словно сговорившись, чтобы давать концерты в этом восхитительном лесном уголке.

* * *

Именно такой уголок предстал передо мной, когда я, покинув хижину охотника, поехал по тропинке, вившейся в тени мрачных раскидистых деревьев, до того места, где она внезапно оборвалась. Для меня это не было неожиданностью. Молодой охотник предупреждал меня, что тропинка, ведущая к хижине Холта, жившего в двух милях вниз по реке, идет через бурелом, и я ожидал увидеть ряды поваленных бурей засохших деревьев. Каково же было мое удивление, когда при выезде из лесного мрака передо мной раскинулась великолепная, ласкающая взор панорама!

Как я уже говорил, было то время года, когда американский лес одевается в свой самый роскошный наряд и краски его настолько разнообразны и ослепительны, что даже листья кажутся цветами. Сквозь бледно-золотистую листву молодых буков просвечивает солнце, увядающий клен становится багряным, сумах – темно-алым, а сассафрас – ярко-красным. Лиловые гроздья дикого винограда, золотые ягоды персимоны – виргинского лотоса – и плоды маклюры отягощают ветви. Неудивительно, что я был так потрясен восхитительным и неожиданным зрелищем, неудивительно, что я остановился и долго не мог оторвать глаз от окру-

жавшей меня красоты. Сердце билось от восторга, я слушал жужжание пчел и радостный хор птиц, поднимающийся к небесам, и душу охватывала радость при мысли, что в этом прекрасном краю я обрету свой дом.

Глава XVIII. Красавица лесной глуши

В течение некоторого времени я предавался мечтательному созерцанию окружающей меня природы, затем тронул поводья и поехал дальше. Молодой охотник предупредил меня, что путь будет извилистый и трудный. По его словам, ураганом была захвачена полоса в триста ярдов шириной, но, чтобы пересечь ее, мне придется проехать расстояние вдвое большее. Направление ветра было перпендикулярно тропе, и поэтому рухнувшие деревья упали поперек нее. Наваленные друг на друга, они загромождали дорогу, словно барьеры для скачек с препятствиями. Через некоторые из них лошадь могла перешагнуть, через другие – перепрыгнуть, но местами встречались такие груды стволов, что высота их достигала моему коню по грудь.

Прыжок с разгона через барьер с пятью брусьями был бы пустяком по сравнению с преодолением такого чудовищного препятствия. Должен сказать, что прыгать верхом через толстые бревна вообще довольно опасно, особенно когда нет места для разгона. Если лошадь задеет бревно подковой, она упадет и сломает шею либо себе, либо всаднику.

Так как торопиться мне было некуда, я начал медленным шагом пробираться сквозь этот запутанный лабиринт рухнувших деревьев.

Мне оставалось не более пятидесяти ярдов до леса, но даже на таком небольшом расстоянии глаз безуспешно пытался проникнуть в его мрачную глубину. Я собирался поздравить себя с тем, что все препятствия остались позади, как вдруг заметил, что между мною и лесом лежит еще один огромный ствол. Приблизившись к нему, я увидел, что дорога разветвляется на две боковые тропинки. Одна огибала вершину дерева, а другая – огромные корни. Земля еще не осыпалась с них, и они вздымались на добрых десять футов. Примерная же толщина ствола была не более пяти. Мне предстояло выбрать, по какой тропинке ехать, что, в сущности, не имело значения, так как обе они вновь сходились по ту сторону дерева. Подумав, я решил не ехать ни по одной из них. Надо сказать, что одной из причин, побудивших меня поселиться в лесу, была страсть к охоте. Я считал, что чем скорее мой конь научится брать барьеры, тем успешнее и интереснее будет моя охота. Дело это являлось для него совершенно новым, и ему необходима была некоторая тренировка.

Лежавшее поперек моего пути дерево свалилось далеко от других, и с каждой его стороны имелось большое свободное пространство, достаточное для разгона. Таким образом, я имел полную возможность дать моему арабу первый урок. Я уже собрался прищипорить коня, как вдруг услышал топот копыт, доносившийся из леса, и, пристально взглядевшись в его чащу, увидел, что кто-то едет по тропинке. Это обстоятельство заставило меня отказаться от моего намерения или, вернее, отложить его, пока всадник не проедет. Если бы я попробовал перепрыгнуть через дерево, мой конь на полном галопе столкнулся бы с лошадью этого всадника.

Я остановился и начал поджидать его, как вдруг, присмотревшись, увидел, что ошибся и ко мне приближается не всадник, а всадница – юная девушка необычайной красоты!

Что-то невыразимо нежное, бесконечно прелестное было в ней, в гармоничном сочетании безупречно правильных черт лица и белоснежной кожи, озаренной отблеском золотых волос, которые, казалось, сияли даже в глубокой тени деревьев. Возможно, читатель улыбнется такому восторженному описанию и подумает, что оно явилось плодом романтического воображения. Но, если бы он сам взглянул в оттененную темнотой зрачков лазурную глубину ее влажных глаз, на щеки, словно окрашенные первыми лучами утренней зари, на алые губы, цвет которых пристыдил бы любую розу, на шею, будто выточенную из слоновой кости, на золото волос, он не усомнился бы в том, что видит перед собой лицо богини.

И это волшебное создание было одето не только просто, но даже бедно. Свободное платье из желтой полосатой домотканой материи с большим вырезом и скромный чепчик составляли весь ее наряд. Золотые волосы падали густыми локонами на спину и плечи, заменяя шаль, а

нитка жемчуга, конечно, фальшивого, была ее единственным украшением. На ней не было ни туфель, ни чулок, но самая дорогая обувь не могла бы сделать изящней видневшиеся из-под юбки хорошенькие маленькие ножки, покоившиеся без стремян на боку лошади.

Еще более убогим, чем ее домотканое платье, был конь, на котором она сидела. Он не мог не возбуждать жалости, так как походил не на живое существо, а на обтянутый кожей скелет. Вместо седла у него на спине лежал кусок медвежьей шкуры, подвязанный ремнем. Девушка сохраняла равновесие, держась одной рукой за истертые поводья, а другой – за высокий костистый загривок, вздымавшийся, как верблюжий горб, под жесткой гривой, в которой не могли спрятаться ее тонкие пальчики.

Контраст между старым конем и юной всадницей был поистине разителен. Первый казался карикатурой на прекраснейшее из четвероногих, а вторая – воплощением самой богини красоты.

Глава XIX. Ряд неудач

При виде прекрасной всадницы я тотчас отказался от мысли перескочить через дерево и решил его обогнуть. Придержав своего коня, я приблизился к лежащему исполину как раз в то время, когда девушка подъезжала к нему с другой стороны. Таким образом, мы оказались лицом к лицу, разделенные лишь его стволом. Мне хотелось заговорить с ней, но я никак не мог придумать подходящие слова. Избитая фраза «доброе утро, мисс» была бы слишком банальной и, наверное, уронила бы меня в ее прекрасных глазах. В этом я не сомневался и потому промолчал.

Однако вежливость требовала, чтобы я с ней поздоровался. С легким поклоном я приподнял свою фуражку, может быть, несколько живее, чем полагалось, но все же не выходя из рамок приличия. В ответ она кивнула головкой и, как мне показалось, улыбнулась. Но была ли улыбка приветливой или насмешливой, я не понял. Я решил поклониться ей еще раз, когда мы вновь встретимся, объезжая дерево, и обязательно заговорить с ней.

Повернув коня, я стал обдумывать, как это сделать. Я выбрал правую тропинку. Она вела вокруг корней дерева и показалась мне более короткой и протоптанной. Но каково же было мое разочарование, когда, обернувшись, я увидел, что непростительно ошибся: девушка поехала в противоположном направлении! Да, она предпочла ехать по тропинке, огибавшей вершину дерева, – выбрала более длинный путь. Было ли это случайно или преднамеренно? Конечно, преднамеренно. Во всяком случае, мне так показалось, и я сразу упал в собственных глазах. Выбрав этот путь, она дала мне понять, что не желает еще раз встречаться со мной. Правда, мы должны были вновь съехаться у середины бревна, но лишь для того, чтобы немедленно разъехаться.

Чтобы доставить себе хоть это удовольствие, я быстро объехал огромные корни дерева, на мгновение потеряв всадницу из виду. Я так торопился и был так поглощен мыслью еще раз любезно поклониться ей, что не заметил страшного зверя, который, греясь на солнце, лежал у самого ствола. Обогнув дерево, я увидел, что меня постигла еще одна неудача, почти столь же досадная, как и предыдущая: я прибыл слишком рано! Золотоволосая девушка еще не объехала вершину, и ее лицо мелькало за ветвями. Мне показалось, что она нарочно едет медленно, чтобы не встречаться со мной, и я почувствовал себя еще более несчастным.

А между тем я был уже на тропинке, ведущей в лес, и у меня не было никакого предлога, чтобы остановиться. Я в последний раз оглянулся, но не увидел всадницы, так как она по-прежнему была скрыта огромными ветвями дерева.

«Лучше бы я никогда не видел ее!» – подумал я, въезжая под угрюмые своды деревьев, менее мрачные, впрочем, чем мое настроение.

Теперь я уже раскаивался в том, что был так застенчив с этой лесной красавицей. «Вот поэтому-то, – думал я, – она так равнодушно и проехала мимо. Отчего я с ней не заговорил, не обратился к ней даже с самым банальным приветствием? Если бы я сказал ей „доброе утро, мисс“, она, несомненно, что-нибудь ответила бы. Во всяком случае, хуже не было бы. Почему, черт возьми, я не сказал ей „доброе утро“? Я хоть услышал бы ее голос, безусловно, такой же очаровательный, как она сама. Почему я проехал молча? Она, конечно, сочла меня каким-нибудь деревенским увальнем. Может быть, и улыбнулась она только потому, что ее рассмешила моя робость! Черт возьми, какой же я был глупец!..» Но что я слышу? Женский голос... крик, полный ужаса! Опять! Отчаянный зов: «На помощь!» Неужели это зовет она? Да, да! Конечно!

Круто повернув коня, я поскакал назад к поваленному дереву. Выехав на опушку, я остановился, чтобы осмотреться и узнать, откуда доносятся призывы о помощи. Сцена, открывшаяся моим глазам, была ужасна.

Девушка уже объехала дерево и находилась по другую его сторону, совсем близко от поворота на тропу. Но, вместо того чтобы ехать вперед, она стояла на месте. Лицо всадницы выражало беспредельный ужас. Кляча ее тоже была чем-то страшно испугана. Она храпела и фыркала, закинув голову и вытянув шею. Девушка машинально дергала поводья, словно желая повернуть ее. Но это было невозможно: рядом с поваленным деревом лежал еще один ствол, и ее лошадь, попав между ними, не могла повернуться в этом узком проходе. Мое удивление при виде этой картины длилось всего лишь одно мгновение, так как я сразу понял, чем был вызван столь панический страх. На рухнувшем дереве я увидел пуму.

Припав к стволу, она медленно приближалась к девушке – не прыжками и не шагами, а ползком, как кошка. Ее длинное рыжее тело распласталось по бревну. Зверь полз так, что не видно было движения его лап, и он скорее походил на гигантскую гусеницу, чем на четвероногое. Только его огромный, не менее трех футов длины, хвост хлестал по дереву. Я не видел морды зверя, она была обращена в противоположную от меня сторону, к его жертве.

По счастью, хищник не заметил моего приближения. Он несколько раз приостанавливался, готовясь к прыжку, но старая кляча снова отступала, и он продолжал красться все дальше по стволу. Как всегда, мое ружье было со мной. В одно мгновение оно оказалось у меня в руках. Прикосновение ствола к уху моего араба было для него сигналом, что я готовлюсь стрелять, и он остановился как вкопанный. Я выстрелил. Рыжее тело скатилось с дерева на землю, и, когда дым рассеялся, я увидел, что хищник бьется в предсмертных конвульсиях. Пуля перебила ему позвоночник. Я вытащил револьвер и тремя выстрелами прикончил пуму.

* * *

Что случилось дальше, я предоставляю воображению моего читателя. Достаточно сказать, что это происшествие оказалось для меня счастливым. Лед равнодушия был сломан, и за смелость и ловкость меня наградили не только улыбками, но словами благодарности, звучавшими в моих ушах, как музыка.

Я поехал проводить девушку по тропе, заваленной буреломом, и мне казалось, что я мог бы ехать так с ней на край света! Узкая тропа не давала возможности много разговаривать, но все же время от времени мы обменивались несколькими словами. Я не помню, о чем мы говорили. Для меня было достаточно смотреть на нее и слушать нежный голосок. Мое сердце трепетало от любви, и я не спросил мою спутницу, откуда она едет и как ее имя. Лишь случайно, в разговоре, я узнал, куда она направляется. Она ехала навестить живущих за рекой друзей ее отца. Как мне хотелось быть другом ее отца, родственником, сыном!

Наконец мы подъехали к броду. На противоположном берегу неподалеку находился дом, куда она направлялась. Тут мы должны были попрощаться. Старая кляча спустилась с берега – и мы расстались.

Я смотрел, как девушка пересекала реку. Капли воды сверкали на ее босых ножках, как жемчужины.

Я провожал ее глазами, пока она не скрылась за деревьями.

Глава XX. Мечты и действительность

Неохотно отправился я в обратный путь и вскоре вновь очутился среди поваленных ураганом деревьев. Цветы, росшие вдоль озаренной солнцем тропинки, казались еще ярче и свежее. Из их чашечек струились пряные благоухания, наполнявшие воздух сладким ароматом.

Я ехал медленно. Передо мной витал образ прекрасной девушки. Мое сердце, охваченное любовью, трепетало от радости. Прошлое казалось светлым, настоящее – подлинным счастьем, будущее – полным надежд. Я нашел то, к чему так страстно стремился: уединение среди дикой, первобытной природы и возлюбленную, о которой столь долго мечтал. Впереди все казалось безоблачным и таким же солнечным и ярким, как небо над моей головой. Мне улыбался весь мир!

Но недолго длились эти упоительные мечты. Всего лишь пока я пересекал заваленную буреломом поляну, по которой только что проезжал с прелестной незнакомкой.

Подъехав к дереву, где была убита пума, я вдруг очнулся от своих грез.

Труп хищника лежал поперек тропинки, уходящей в лес. Его великолепной шкурой нельзя было пренебречь, и, спрыгнув с седла, я снял ее при помощи охотничьего ножа. С гордостью рассматривал я свой первый добытый в этих лесах трофей, с которым были связаны столь сладостные воспоминания. Через несколько минут шкура была свернута, приторочена к седлу, и с этим дополнительным грузом мой конь вновь углубился в чащу.

Проехав около мили, я оказался на тропинке, пролегающей через болотистую низину, похожую на ту, которую мы пересекли, когда выехали с молодым охотником из Суомпвилла.

Под копытами лошадей и скота черный перегной тропинки превратился в грязь. Местами встречались трясины – ответвления огромного болота, простиравшегося параллельно реке. Мой конь, непривычный к такой почве, проваливался в вязкую тину по самое брюхо.

Несмотря на полуденный час, в глубине леса царил густой сумрак, более похожий на ночь, чем на день. Впечатление это усиливалось от многократно повторявшихся лесным эхом зловещего уханья совы и унылого крика выпи – звуков, неразрывно связанных с ночным мраком. По временам на тропинку падали причудливые световые блики, указывавшие, что где-то поблизости находится открытое место. Однако источником этого света оказывалась не гостеприимная поляна, а мрачная заводь, у неподвижных вод которой не растет даже кипарис. Это было обиталище черных водяных змей, болотных черепах, а также журавлей и цапель. Я видел сотни этих птиц. Одни сидели на сгнивших, полузатопленных корягах и на стволах, подобно бурым обелискам, стоявших у берегов заводи, другие медленно кружились над водой, оглашая воздух пронзительными криками.

По обе стороны тропы возвышались исполинские деревья, над корнями которых поднимались огромные отростки, похожие на зубчатые стены крепости. Местами они были значительно выше моей лошади и совершенно преграждали путь, так что мне приходилось объезжать их. В этом глубоком сумраке было бы легко сбиться с тропинки, если бы не зарубки на гладкой коре сикимор.

Все это отнюдь не могло вызвать приятные размышления, тем более что, судя по словам моего вчерашнего спутника, такова была большая часть участка N 9. «Вряд ли на нем найдется пригодное для жилья место, кроме уже занятого скваттером. Это похуже всякой закладной», – думал я. В эту минуту я с удовольствием уступил бы весь свой лес «по самой сходной цене». Но я не обольщался этой мыслью. На берегах Мерсея или Темзы такой лес был бы целым богатством, но на берегах Илистой речки его никто не взял бы и даром!

По мере того как я продвигался вперед, настроение мое все больше падало. Это было вызвано отчасти мрачным болотом, через которое я проезжал, а отчасти естественной реак-

цией, всегда наступающей после сильной радости. Кроме того, мной все более овладевали неприятные предчувствия.

До этой минуты я почти не думал ни о своем деле, ни о скваттере, так как сначала яркие краски утра, а затем романтическая встреча занимали мои мысли и мешали сосредоточиться на будущем. Но теперь, приближаясь к жилищу Холта, я вдруг почувствовал, что наступает решительный час.

Глава XXI. Негостеприимная хижина

Участок величиной примерно в два акра, обнесенный забором из жердей, концы которого спускались к ручью, трудно было назвать вырубкой – всюду на нем торчали сухие деревья с содранной корой. Среди них виднелась бревенчатая хижина с дощатой крышей. С одной стороны к ней была пристроена кое-как сколоченная из досок конюшня, а с другой – покривившийся сарай. Около дома, рядом с чурбаном, на котором лежал топор, была навалена большая куча дров, а возле конюшни и сарая – груды кукурузной шелухи и ободранных початков. Перед самой хижинкой среди сухостоя торчали стебли кукурузы с обломанными верхушками.

Вот такая картина открылась передо мной, когда я добрался до вырубки скваттера Холта.

«Значит, это и есть мой участок», – подумал я.

Оказавшись у самой изгороди, я все же не увидел ворот. Их заменяли несколько съемных жердей, опиравшихся на два толстых столба. Верхняя перекладина была снята. Не имея никакого желания спешиваться, я верхом перепрыгнул остальные и рысью подъехал к хижине. Дверь ее была широко открыта. Я надеялся, что на топот копыт моего коня оттуда кто-нибудь выглянет, но никто не появился. Может быть, в хижине никого нет? Я подождал минуты две, прислушиваясь. Но в хижине царила мертвая тишина. Значит, она пуста? Или совсем покинута? Но нет – через дверь я видел самодельную мебель и кухонную утварь. Значит, ее обитатели отлучились на время и находятся где-нибудь неподалеку в лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.